

Ares Saint-Clair

18+

Goodbye, light

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ares Saint-Clair

Goodbye, light

<https://litres.ru/74144617>

SelfPub; 2026

Аннотация

В каждом из нас живёт хаос, у которого есть имя. В этом романе их два:

Арес — приговор к вечной борьбе, аннигиляция чувств под маской холодной решимости; его сердце — неприступная крепость, но даже она даст трещину.

Арабелла — сложный узор, пленница лабиринта собственных жертв и чужих ожиданий, оголённый нерв, вибрирующий от внешнего мира.

Я написал эту книгу, чтобы исследовать неизбежность: рано или поздно их тропы сошлись в пространстве, где прошлое имеет разрушительную власть, а будущее пугает неизвестностью. Там вспыхивает не просто романтика, а болезненное узнавание: «Я вижу твою тьму, потому что она живёт и во мне».

История соткана из внутренних монологов, конфликтов, где правда режет глаза и эмоциональных качелей. Это путь сквозь страдание к принятию себя в глазах другого. Исповедь двух израненных душ, переплетённых в единый клубок любви, — добро пожаловать.

Содержание

Глава 1. Я не поеду	4
Глава 2. Прямо в лоб	56
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ares Saint-Clair

Goodbye, light

Глава 1. Я не поеду

Нью-Йорк.

Честно? Этот город не встречает. Он тебя переваривает. С урчанием, с присвистом, втягивает сквозь турникеты метро, словно сквозь зубы и выплевывает уже на раскаленный тротуар, перемешанным, перемолотым с миллионами других. Пахнет он, знаете ли, не только мочой и жареным луком из тележки у входа в парк. Хотя, признаться честно, этого добра хватает с лихвой... Он пахнет чем-то электрическим. Смесью разогретого асфальта, мокрой пыли после короткого слепого дождя и озона, что шипит на контактах подземки. Звучит же он как разошедшийся деревянный пол в квартире без мебели. Гулко. Каждый шаг, каждый сигнал такси, каждый обрывок чьей-то тирады в телефон: «И я ему говорю: нет, ты послушай» складываются в бесконечную, ни на секунду не замолкающую какофонию. Этот шум, он ведь липнет к коже.

Влажность здесь особая. Не та банная духота, что топит легкие, а липкая, соленая испарина, которая выстилает подкладку рубашки к полудню. Воздух тяжелый, густой, его буд-

то можно жевать. Через эту взвесь свет пробивается полосами – резкими, словно порезанными бритвой, когда солнце падает в узкие ущелья авеню, и мягкими, рассеянными, в переулках, где тени от пожарных лестниц рисуют на кирпиче рваные аккорды. Он слепит. Бьет зеркальными бликами из окон небоскребов, заставляя щуриться до рези в глазах, отражается в лужах, которые еще час назад были обычной водой из шланга, а теперь – жидкое серебро на потрескавшемся асфальте.

Прислушайтесь. Нет, к какофонии мы уже привыкли. Я о другом звуке – низком, утробном гудении, которое не смолкает никогда, даже в три часа ночи. Это гул кондиционеров, трансформаторов, миллионов сердец и процессоров, бьющихся за стальными стенами этих муравейников. Стеклянные коробки вырастают из земли, как гигантские слюдяные кристаллы, упираясь в брюхо облаков. Они давят на сетчатку своей геометрией, лишая ощущения верха и низа. Бетонные плиты, помнящие тысячи шагов, стерты до безразличия. Кирпич старых домов – красный, бурый, местами черный от копоти, оставшейся здесь, кажется, еще со времен Великой депрессии.

Знаете это чувство, когда смотришь на панораму с одного из мостов? Ветер там всегда сумасшедший, рвет волосы и закладывает уши, а на губах оседает металлический привкус выхлопных газов. Видишь это нагромождение шпилей, резервуаров с водой, парпетов и спутниковых тарелок. Кра-

сиво, спору нет. Открыточный глянец. Но внутри всего этого бетонно-стеклянного лабиринта, в его жилах, в его капиллярах-улицах, кипит совсем другая жизнь. Там нет панорам. Там есть только ритм. Судорожный, сбивчивый, иногда торжествующий, но чаще загнанный.

И знаете, что самое смешное? Все это великолепиие, весь этот многомиллионный улей, эти тонны стали и осыпающейся штукатурки, эта симфония клаксонов и грохот метро, сотрясающий пятки – это все лишь декорация. Все эти небоскребы, царапающие небо – просто коробки. Огромные, тесные коробки из стекла, бетона и облупленного кирпича, набитые людьми.

Но эта история не о городе.

Она об одном конкретном парнишке, который прямо сейчас сидит внутри одной из этих коробок, затерянный в муравейнике из восьми миллионов душ. Обычный такой парень. Вроде бы такой же, как все. Но это только видимость. Для нашей истории он важен. Очень важен.

Этого парнишку звали Арес Дрейк. И утро субботы для него началось, честно говоря, не с кофе. С запаха денег.

Не спешите морщить нос. Это не метафора. В их пентхаусе, парящем над Верхним Ист-Сайдом, воздух всегда имел особый, стерильный привкус, словно его пропускали через двойной угольный фильтр, а потом слегка ароматизировали чем-то цитрусовым. Пахло свежестью, полиролью для палисандрового паркета и едва уловимым дымком из дорогушей

свечи от Diptyque, которую домработница Марта зажгла в холле ровно в 6:45, вне зависимости от того, спал кто-то дома или нет. Таков был ритуал.

Солнце в спальню Ареса просачивалось лениво, процеженное сквозь автоматические жалюзи цвета слоновой кости, рисуя на стене, оклеенной фактурными бежевыми панелями, невесомую полосатую решетку. Окно от пола до потолка выходило прямиком на кроны Центрального парка – гигантский, ухоженный изумрудный ковер, прошитый серебряной лентой водохранилища. Вид, за который люди убивают. Вид, от которого у гостей перехватывало дыхание и они начинали бормотать дежурные фразы о «невероятной удаче». Арес лежал на спине, закинув руку за голову, и смотрел на это великолепие без малейшего трепета. Ему было шестнадцать, и для него этот парк был просто большим задним двором, к которому нужно спускаться на скоростном лифте с персональным ключом.

Он зевнул, широко, до хруста в челюсти, и пошевелил пальцами ног под прохладной простыней из египетского хлопка. Где-то вдалеке, за панорамными стеклами, уже закипал привычный субботний гул: сирены «скорой», выворачивающие душу наизнанку, басовитое жужжание газонокосилок в парке и тот самый, уникальный нью-йоркский аккорд – смесь чьих-то далеких криков, музыки из проезжающего кабриолета и непрерывного «уош-уош-уош» от колес на вымытом асфальте. Но сюда, на тридцать седьмой этаж,

звуки долетали уже приглушенными, почти застенчивыми, будто город сам понимал, что таким, как Дрейки, лучше не мешать.

— Арес, дорогой, Марта оставила тебе шакшуку. Или, может, сделаешь, как обычно, свой протеиновый коктейль с этой гадостью? – голос Элеоноры пробился сквозь приоткрытую дверь мягко, почти виновато. Она всегда так говорила – вопросительно, словно спрашивала разрешения войти в его жизнь. В свои сорок пять Элеонора Дрейк (в девичестве Грей) выглядела так, будто время для нее было не стрелой, а бумерангом: оно улетало, но всякий раз возвращалось, оставляя ее нетронутой, разве что добавив пару лучиков у глаз, которые она носила как ордена. Сегодня она уже была одета в белоснежный кашемировый джемпер и узкие черные брюки, хотя на часах едва перевалило за девять.

— Шакшука, мам. Я через десять минут, – отозвался Арес хрипловатым со сна голосом, не оборачиваясь.

Он слышал, как тихо закрылась дверь и он оказался в минутной тишине. Относительной, конечно же, ведь в доме Дрейков никогда не было тихо. Здесь всегда что-то гудело, дышало, щелкало: климат-контроль, встроенная в стены акустика, холодильник размером с небольшую машину. Сама эта квартира была произведением искусства – бетон, стекло и отполированный металл, разбавленные произведениями из коллекции отца. Вон та здоровая клякса оранжевого и черного в гостиной, например, это ранний Поллок,

если верить пояснениям Джулиана. А ту мятую консервную банку, приклеенную к холсту, Арес в детстве пытался отковырять, за что получил самую суровую лекцию о современном искусстве в своей жизни. Тогда он и понял: искусство в их семье – вещь неприкасаемая.

Буквально.

Арес откинул одеяло и сел на край постели, уперев босые ступни в прохладный паркет. Он провел ладонью по коротко стриженному затылку. Тело приятно ныло, мышцы плеч и икр напоминали о вчерашних шести сетах на выносливость. Баскетбол. Именно из-за этого слова отец снова не разговаривал с ним последние два дня. Ну и плевать. В конце концов, Джулиан Дрейк не разговаривал с очень многими людьми и считал это не банальной обидой, а высоким искусством управления репутацией.

Шлепая босыми ногами в сторону ванной комнаты, Арес прошел мимо огромного, во всю стену, зеркала в раме из вороненой стали. Он мельком глянул на свое отражение. Высокий, уже метр восемьдесят пять, жилистый, с резкими скулами, которые достались ему от матери, и тяжелым, упрямым подбородком – несомненно, отцовским наследством. Серо-голубые глаза смотрели исподлобья даже тогда, когда он не хмурился. Привычка. Маска. В школе Святого Марка, где учатся отпрыски таких же, как Джулиан, эта маска сидела на нем идеально.

Вода в душевой ударила тугими, мощными струями, смы-

вая остатки сна. Можно было стоять так вечно, под этим почти тропическим ливнем, глядя, как за матовым стеклом расплываются контуры дорогого хрома и мрамора. Но времени не было. По субботам у него имелся свой ритуал и он требовал скорости.

Вытеревшись огромным полотенцем, больше похожим на пляжное, Арес натянул спортивные шорты, майку с эмблемой «Никс» и взял с полки старый, выдавший виды напульсник с выцветшей надписью «Rucker Park». Вещь, которая стоила, наверное, долларов пять на барахолке, но для него была ценнее всего этого баухауса вокруг. Это был его талисман. Его маленький вызов всей этой башне из слоновой кости.

На кухне, больше напоминавшей хирургическую операционную из стекла и нержавеющей стали, Элеонора уже сидела с чашкой эспрессо, листая что-то в планшете. Увидев сына, она улыбнулась той улыбкой, которая всегда говорила: «Я на твоей стороне, что бы ни случилось».

— Ты опять в этих своих обносках, — заметила она без капли осуждения, просто констатируя факт. — Отец будет в ярости, если увидит тебя в этом за завтраком.

— Значит, он меня не увидит, — Арес взял со стола спелое яблоко, с хрустом откусил и, не переставая жевать, чмокнул мать в щеку. — Потому что через пять минут меня здесь не будет. Я на площадку.

Элеонора чуть заметно вздохнула, но промолчала. Она

всегда умела балансировать на этой тонкой грани между поддержкой мужа и безоговорочной любовью к сыну. Именно она полтора года назад, видя, как Арес сникает под гнетом вечных вернисажей, скульптур и высоколобых разговоров, взяла его за руку и отвела в спортивный центр при Колумбийском университете, просто чтобы «попробовать что-то новое». Кто же знал, что в этом парне, воспитанном на лекциях о кубизме и постмодернизме, дремлет чистый звериный талант к игре в оранжевый мяч? Кто знал, что это станет единственным, из-за чего он впервые в жизни посмеет перечить отцу?

Главное слово здесь – «посмеет».

— Только недолго, хорошо? – тихо попросила она, когда он уже направился к лифту. – У нас обед в час, не забывай.

— Не забуду, мам, – бросил Арес, и створки бесшумного лифта отрезали его от ее последующего вздоха.

Кабина понеслась вниз, мягко, но с легким щекочущим желудок ускорением. Арес прислонился спиной к зеркальной стене и закрыл глаза. Тридцать семь этажей вниз. Это примерно секунд двадцать. Двадцать секунд полной тишины перед тем, как он вынырнет из этого мраморного рая в настоящий, живой, потный и орущий Нью-Йорк. В его Нью-Йорк, где пахнет не свечами за полторы сотни баксов, а разогретым асфальтом и уличной едой, где шум не приглушен двойными стеклопакетами, а бьет по ушам наотмашь, словно вызов. И где его ждали. Не оценки за экзамены, не одоб-

рение отцовских партнеров, а простые, честные слова: «Йоу, Дрейк, давай уже, мы тебя заждались».

Лифт мягко кашлянул, зажигая на панели букву «L». Лобби.

Створки разъехались с тихим, уважительным шелестом и Арес шагнул в пространство с высокими потолками.

Вот уж где царство холодного мрамора и тишины, нарушаемой лишь стуком дорогих каблучков да приглушенным звоном ключей от «Бентли», которые кто-то небрежно бросил на стойку консьержа. Сам консьерж – вышколенный мужчина лет пятидесяти с лицом отставного генерала, которого звали то ли Джордж, то ли Джеральд, Арес вечно путал. Он приветственно кивнул, не отрывая взгляда от какого-то журнала регистрации. Его накрахмаленный воротничок впивался в шею и Арес машинально потер свою, ощутив фантомный зуд. Здесь, внизу, пахло иначе: смесью полироли для латунных ручек, чьих-то духов с нотой пачули, оставшихся висеть в воздухе шлейфом, и едва уловимым запахом хлорки, которым несло от цветочной композиции в гигантской напольной вазе. Искусственные орхидеи. Белые, восковые, безупречные. Их «поливали» раз в неделю из баллончика со сжатым воздухом, сдувая пыль. Арес никогда не мог понять, зачем ставить цветы, которые даже не пахнут, но в этом доме его мнением насчет дизайна не интересовались.

Он толкнул тяжелую стеклянную дверь и вышел на Парк-авеню.

И тут же получил пощечину. Нет, не от человека. От города. Жара, которую не могли смягчить никакие кондиционеры внутри, сомкнулась вокруг него плотным, влажным коконом. Она пахла разогретым металлом водосточных труб и прелыми листьями, которые еще не успели убрать из-под живой изгороди. Солнце било в глаза резко, заставляя зажмуриться и выругаться сквозь зубы. Асфальт под кроссовками был мягким, почти податливым, как старый линолеум. Где-то справа, на углу, уже разворачивал свою тележку продавец хот-догов. Сизый дымок от кипящей воды с сосисками поднимался вверх, смешиваясь с выхлопными газами проезжающего мимо такси. У того был спущенный скат и оно издавало ритмичный звук, который почему-то идеально ложился на басовитую долбежку, доносящуюся из открытых окон закрытого на ремонт модного бутика.

Арес вдохнул. Глубоко, полной грудью. Этот воздух царапал легкие. Он был грубым, нефильтрованным, настоящим. Не то что та стерильная вата, которой он дышал там, наверху. Поправив лямку рюкзака, в котором сиротливо болтались бутылка воды, полотенце и мяч – старый, потертый Spalding, с которым он не расставался. Он свернул на 86-ю и двинулся в сторону метро. Можно было вызвать Uber, конечно. Даже не Uber Black, а какой-нибудь вертолет, если бы совсем прижало. Но Аресу нравился сабвей. Нравился этот переход: резкий, почти шизофренический. Из мира, где чаевые оставляют сотенными купюрами, в мир, где люди толкают-

ся плечами, зажав в одной руке стаканчик кофе из «Данкин Донатс», а в другой держат смартфон с треснутым экраном.

Спуск в подземку встретил его своей собственной, ни с чем не сравнимой симфонией. Где-то в глубине туннеля, еще невидимый, завывал поезд и этот вой отражался от кафельных стен, многократно усиливаясь, превращаясь в механический рев разбуженного дракона. Платформа пахла сыростью, резиной и чьим-то слишком сладким парфюмом, дешевым, приторным, который смешивался с вонью застарелого пота от бездомного, спящего на лавке, скрутившись калачиком в грязном спальном мешке. Рядом с ним, не обращая внимания, двое парней в деловых костюмах о чем-то яростно спорили о работе, размахивая руками, а у самого края платформы девушка с розовыми волосами и в наушниках самозабвенно подпевала Билли Айлиш, фальшивя так, что уши сворачивались в трубочку.

Арес стоял, засунув руки в карманы шорт и рассматривал эту сцену со спокойным, чуть отстраненным любопытством, с каким орнитолог наблюдает за редким видом птиц. Поезд, взвизгнув тормозами так, что заложило уши, подкатил к платформе и распахнул двери. Из вагона пахло прохладой кондиционера и запахом мокрой собаки, хотя никакой собаки там, конечно, не было.

Он вошел и схватился за поручень, глядя, как за окном, в темноте туннеля, проносятся огни сигнальных ламп.

Эта поездка занимала минут двадцать. Двадцать минут

от мира, где его фамилия что-то значила, туда, где она была пустым звуком. Где никто не знал, что такое «Drake Contemporary» и сколько нулей в ценнике какого-то абстрактного художника, которого он чуть не раскурочил в шесть лет. Там, на площадке в Гарлеме, имело значение только одно: как ты двигаешься, как ты видишь корт, как ты читаешь игру. Можешь ли ты забить с сопротивлением. Можешь ли ты отдать пас. И если да Тебя примут, даже если ты белый парнишка с Верхнего Ист-Сайда, который говорит слишком правильно и не носит джорданы последней модели.

Поезд дернулся, останавливаясь. Арес вышел, поднялся по замусоренным ступеням, мимо облупленных стен, разрисованных причудливыми граффити и оказался на 125-й улице. Тут воздух был другим. Он был гуще, слаще от запаха жареных плантанов, которые продавали прямо у входа в метро, от хохота компании подростков на углу, от цоканья копыт (ну да, здесь еще водили лошадей, запряженных в повозки для туристов и это всегда смотрелось диковато). Здесь кипела жизнь, грубая, шумная, непричесанная и Арес впитывал ее каждой клеточкой.

Он прошел мимо старой парикмахерской, из открытой двери которой пахло кокосовым маслом и жженым волосом. Мимо магазинчика, где продавали африканские ткани – такие яркие, что резало глаза. Его шаг ускорился сам собой. Еще пара кварталов и он увидел ее. Знакомую ограду из сетки-рабицы, за которой слышался ритмичный, как сердцеби-

ение, стук оранжевого мяча об асфальт.

Мяч ударился о покрытие с глухим, тугим «бам» и отскочил. Кроссовки взвизгнули по бетону. Кто-то, уже разогретый, мокрый, тяжело дышал.

Арес вошел в калитку и улыбнулся. По-настоящему. Так, как не улыбался ни на одном из бесконечных отцовских вернисажей. Потому что вот оно. Его место.

— Дрейк! – крикнул кто-то с площадки хриплым, ломающимся баском. – Ну ты где там шляется? Мы уже думали, что ты забыл, как мяч выглядит!

Арес скинул рюкзак на скамейку, вытащил свой старый, потертый Spalding и несколько раз ударил им о землю, проверяя накачку. Слабовата, но сойдет. Его ладони привычно обхватили шершавую, чуть липкую поверхность и он почувствовал, как напряжение в плечах, накопившееся за неделю, начинает потихоньку уходить, растворяться в этом жаре, в этом шуме, в этом запахе.

— Закрой рот, Тай, – бросил он беззлобно, выходя на площадку, – И покажи лучше, чему ты там научился, пока меня не было.

Парень, которого он назвал Таем – здоровенный, на полголовы выше Ареса, с кожей цвета темного шоколада и широченной ухмылкой, хлопнул в ладоши, требуя мяч. Его звали Тайрон Уильямс, ему было семнадцать и он был лучшим разыгрывающим, которого Арес когда-либо видел за пределами НБА. Без преувеличения. Без дураков.

— Ну смотри, чел, — Тайрон начал вести мяч и тот словно приклеился к его руке, порхая от асфальта к ладони и обратно, — Я тут кое-что подсмотрел у Кайри. Если ты не купишь этот финт, я за себя не ручаюсь.

— Ты у Кайри уже полжизни подсматриваешь, — Усмехнулся Арес, сбрасывая майку. — Удиви меня.

И они начали. Сначала разминочный обмен пасами: резкими, хлесткими, от которых горели ладони. Потом работа над дриблингом, когда мяч метался между ними двумя, словно заведенный, а ноги двигались в каком-то диком, хищном ритме, кроссовки скрежетали по покрытию, оставляя черные полосы. Арес чувствовал, как пот заливает глаза, как соль щиплет губы, как сердце, разогнавшись до предела, гулко бухает где-то в горле.

Никаких тебе «Арес, дорогой, будь аккуратнее». Никаких «Мистер Дрейк, ваш отец хотел бы видеть вас на ужине». В этой простоте было что-то кристально честное. То, чего ему так отчаянно не хватало в мире, где картины стоили дороже, чем дома, в которых они висели.

— Слушай, Дрейк, — Тайрон вдруг остановился, уперев руки в бока и тяжело дыша, капли пота срывались с его подбородка и падали на раскаленный асфальт, мгновенно испаряясь, — А че твой старик опять воду мутит? Я в новостях видос видел, там открытие какой-то галереи в Челси, он стоял с таким лицом, будто лимон целиком сожрал. И ты на него похож, когда злишься, кстати. Точно такое же лицо.

Арес промолчал, но его челюсти сжались. Тайрон попал в точку. Сам того не зная, он задел ту самую тонкую, натянутую до предела струну, которая звенела у Ареса внутри вот уже несколько недель. Открытие той галереи. Новый «гениальный» протезе отца Какой-то тощий немец, который мажет холст собственной кровью и называет это «пост-ироничным дискурсом телесности». И вечер, когда отец в очередной раз процедил сквозь зубы за ужином: «Я надеюсь, Арес, ты достаточно наигрался в свои игры и теперь сосредоточишься на том, что действительно имеет значение. Искусство Это единственный способ остаться в истории. Все эти твои прыжки и броски – пыль. Забава для плебеев».

Плебеев.

Он сказал это именно так. Брезгливо, скривив губы, за которыми прятались идеально ровные, фарфорово-белые виныры. И Элеонора тогда опустила глаза в тарелку, не проронив ни слова. Потому что в их доме, при всей его роскоши, последнее слово всегда оставалось за Джулианом. Всегда. И никто Ни жена, ни партнеры по бизнесу, ни весь этот арт-мир, который он держал за горло, не смел ему перечить.

Никто. Кроме Ареса.

— Эй, земля вызывает Дрейка! – Тайрон щелкнул пальцами у него перед носом. – Ты уснул, что ли?

— В порядке я, – Арес вытер пот со лба, и его глаза сверкнули. – Просто вспомнил, что забыл сказать отцу пару ласковых за завтраком.

— Ну, это дело поправимое, — хмыкнул Тайрон, не вдаваясь в подробности. — Давай, еще один сет. И на этот раз я сделаю тебя так, что ты будешь умолять меня не выкладывать это в сториз.

— Размечтался, — Арес хищно улыбнулся и встал в защитную стойку, согнув колени и расставив руки в стороны. Мышцы гудели, легкие жгло огнем, но он готов был играть еще час, два, вечность. Потому что именно здесь он был собой. Не сыном Джулиана Дрейка. Не наследником империи, построенной на холсте и крови. А просто Аресом. Звук, с которым мяч прорезает сетку, был для него лучшей музыкой. Лучше Баха, лучше джаза, лучше тех заунывных скрипок, что вечно играли на фуршетах отца. Этот звук был чистым, как выдох, как удар сердца.

Тайрон сделал обманное движение, уходя влево и Арес повёлся, потерял долю секунды, и этого хватило. Мяч уже летел в корзину, чтобы, ударившись о щит и два раза подпрыгнув на кольце, все же провалиться в сетку. Уильямс издал победный вопль, больше похожий на боевой клич какого-то древнего племени.

— Видал?! Видал, я тебя спрашиваю, белый мальчик с Парк-авеню?! — заорал он, приплясывая. — Я легенда, детка! Скажи это! Скажи, что я легенда!

— Скажу, если забьешь еще два таких же, — парировал Арес, вытирая лицо краем майки, которую подобрал с асфальта.

Его глаза горели, на губах играла упрямая, чуть высокомерная ухмылка, которую так ненавидел отец. Эта ухмылка говорила: «Я не сдамся. Ни-ког-да. Ни за что. Даже если весь мир считает, что я должен заниматься чем-то другим». И в этом, наверное, и была вся суть. Весь его бунт. Не в проколотом ухе и крашенных волосах, а вот в этой простой, животной, безрассудной любви к игре. К запаху резины. К шершавой, как наждачная бумага, поверхности мяча.

Где-то вдалеке, за кронами чахлах городских деревьев, за шпилями небоскребов, которые отсюда казались просто частью пейзажа, его ждал отец. Ждал обед в час, на котором Арес обещал матери быть и на котором он снова будет сидеть с каменным лицом, слушая очередную тираду о своем «недостойном поведении».

Но это все потом.

А сейчас...

Сейчас была только игра. Мяч снова взлетел в воздух, рисуя в ослепительно-голубом небе идеальную параболу, и двое парней, забыв обо всем, бросились к кольцу, толкаясь плечами, тяжело дыша и смеясь. Арес прыгнул, вытянувшись в струну, кончиками пальцев подправил мяч, отправляя его точно в цель и приземлился, чуть не подвернув ногу, но устояв. Сердце колотилось как сумасшедшее, готовое выскочить из груди. Он поднял глаза к небу, жмурясь от яркого света.

— Один – один, Дрейк! – крикнул Тайрон, хватая мяч.

– До трех, проигравший бегаёт штрафной круг и покупает поесть!

— Готовь кошелек, – бросил Арес, и в этот момент его телефон, забытый в рюкзаке на скамейке, завибрировал, высвечивая на экране короткое, но грозное: «Джулиан Дрейк». Но он этого не видел. Он видел только мяч. И кольцо. И Тайрона, который уже шел в очередной, еще более наглый проход.

А телефон вибрировал, раз, другой, третий, надрываясь в тишине рюкзака, словно рассерженный шмель в стеклянной банке. Четыре звонка подряд, а потом тишина. Такая тишина, от которой у любого, кто знал Джулиана Дрейка, волосы на загривке вставали дыбом.

Но Арес этого не слышал.

Он слышал только скрежет собственных кроссовок по асфальту, свист рассекаемого воздуха и тяжелое, рваное дыхание. Мяч метался между ними, словно живое существо, уворачиваясь, подпрыгивая, отскакивая от ладоней. Счет сравнялся. Два-два. Решающий бросок. Арес прищурился. Он читал игру. Видел, как Тайрон чуть сместил вес на правую ногу. Видел, как дрогнули мышцы на его предплечье, готовясь к пасу. И когда Тайрон рванул, Арес уже был там. Перехват. Мяч впечатался в ладонь с глухим, почти звериным шлепком. Одно движение и он уже летел к кольцу, отталкиваясь от асфальта так, словно тот был батутом. Прыжок. Зависание. Идеальное, почти нечеловеческое по своей легко-

сти мгновение, когда гравитация, кажется, забыла о его существовании. А потом раздался звук. Чистый, звонкий звук прохождения мяча сквозь сетку.

— Три-два! – выдохнул Арес, приземляясь и тяжело опираясь ладонями о колени. Легкие горели, сердце колотилось где-то в висках, отсчитывая сумасшедший ритм.

Тайрон замер на месте, тяжело дыша и уперев руки в бока. Его широкая, белозубая ухмылка никуда не делась, но в глазах мелькнуло что-то вроде уважительной досады. Ну еще бы. Проигрывать он ненавидел почти так же сильно, как Джулиан Дрейк ненавидел баскетбол. Почти.

— Ладно, ладно, – пропыхтел Тайрон, мотая головой, с его дредов слетели капли пота. – Твой выход, Дрейк. Но имей в виду! Я хочу нормальной еды. Никаких твоих салатиков для богатеньких мальчиков. Я говорю про курицу. Жареную. С острым соусом. И картошку. Много картошки.

Арес усмехнулся, выпрямляясь и растирая затекшую шею.

— Заметано. Дай только воды глотну и пойдем. Я тут знаю одно место за углом, где готовят так, что твоя бабушка бы расплакалась от счастья.

— О, ты мою бабулю не трогай, – Тайрон погрозил ему пальцем, но глаза его смеялись. – Она про твою курицу скажет, что это мусор и будет права. Но я сегодня согласен даже на мусор. Жрать охота! Умираю.

Арес развернулся и направился к скамейке, где сиротли-

во валялся его рюкзак. Мышцы ног приятно ныли, в ушах все еще шумело от прилива крови, а во рту стоял металлический привкус усталости. Хорошей усталости. Правильной. Той, после которой спится без снов и просыпаешься с ощущением, что ты на что-то способен.

Он наклонился, расстегнул молнию и вытащил бутылку воды. Та была уже теплой и пластик неприятно прогибался под пальцами. Но Арес все равно сделал несколько больших, жадных глотков, чувствуя, как вода течет по подбородку, капает на голую грудь. А потом он бросил взгляд на телефон. Просто бросил. Случайно. И замер.

Четыре пропущенных. Три от «Джулиан Дрейк». Один от «Мама».

Арес застыл с бутылкой в руке, глядя на экран. Где-то на задворках сознания, еще не оформленная в слова, уже зашевелилась тревога. Отец никогда не звонил первым. Никогда. Для этого существовала Элеонора, существовала секретарша, существовали ассистенты и чертовы голуби, если угодно. Но Джулиан Дрейк лично набирал номер сына только в тех случаях, когда происходило что-то из ряда вон. Что-то очень плохое. Или очень важное. Что в его понимании было одним и тем же.

— Эй, Дрейк, ты там уснул? – донеслось с площадки. Тайрон уже натягивал свою майку, поглядывая в его сторону. – Я курицу хочу!

— Секунду, – отозвался Арес. Голос прозвучал глухо, ме-

ханически. Он не сводил глаз с экрана. Большой палец завис над кнопкой вызова. Что-то внутри сжалось в тугую, холодный комок. Это было чувство, которое он испытывал каждый раз, когда отец входил в комнату, когда его шаги раздавались в коридоре: тяжелые, размеренные, не терпящие возражений. Чувство, что ты снова в чем-то виноват, еще даже не зная, в чем именно.

Он нажал вызов. Гудок. Второй. Тишина. А потом Голос. Голос, который он ожидал услышать меньше всего.

— Арес. – Джулиан говорил ровно, без эмоций, как всегда. Но в этой ровности сквозило что-то такое, от чего Аресу вдруг стало холодно. – Ты помнишь, что у нас обед в час?

— Помню, – ответил Арес. Пауза. Длинная, вязкая, как патока.

— Замечательно. – Еще одна пауза. – Тогда, может быть, ты объяснишь мне, почему я звоню тебе уже четвертый раз, а ты не берешь трубку? И почему, когда я позвонил в службу безопасности здания, мне сказали, что ты ушел в девять утра?

Арес закрыл глаза. Вот оно. Все как обычно. Служба безопасности. Контроль. Каждое движение, каждый вздох, каждая минута его времени должны были быть учтены, зафиксированы и одобрены. Как музейный экспонат. Как одна из тех чертовых картин, которые нельзя трогать руками.

— Я на тренировке, – сказал он. – В Гарлеме. Как обычно по субботам. Я тебе говорил.

— Ты мне говорил, – голос Джулиана не изменился ни на полтона, но именно это и было самым страшным. – А я тебе говорил, что эти твои игры не должны мешать семейным обязательствам. Обед перенесен на двенадцать.

— Что?! – Арес дернулся, словно от удара током. – Но ты не говорил!..

— Говорил, – перебил его отец. – В среду. За ужином. Но ты, очевидно, был слишком занят своими мыслями, чтобы слушать. Или, может быть, своими играми.

В среду. Арес попытался вспомнить. Среда. Ужин. Точно, был ужин. Отец что-то говорил про обед и о том, что приезжают какие-то важные гости из Лондона, что нужно быть дома раньше на всякий случай. А он сидел и думал о предстоящем матче школьной лиги. И пропустил. Все пропустил. Черт. Черт, черт, черт.

— Сейчас ровно одиннадцать, – продолжал Джулиан и в его голосе наконец прорезалась знакомая до зубного скрежета нотка ледяного, безжалостного превосходства. – У тебя есть час. Приведи себя в порядок и будь дома ровно в полдень. Я надеюсь, ты не заставишь меня ждать. Иначе разговор будет совсем другим.

Короткие гудки. Даже не попрощался. Впрочем, как всегда.

Арес опустил руку с телефоном и несколько секунд просто стоял, глядя в никуда. Час. У него есть час, чтобы добраться с Гарлема до Верхнего Ист-Сайда, принять душ, пе-

реодеться и явиться пред светлые очи отца. А если он опоздает Он знал, что будет. Не физически, конечно. Джулиан никогда не поднимал на него руку, даже в детстве. Но он умел бить словами. Холодно, точно, расчетливо. Так, что синяки оставались не на теле, а где-то гораздо глубже.

— Дрейк, ну ты чего там застыл? – Тайрон подошел ближе, уже полностью одетый, с рюкзаком на плече. Его голос звучал обеспокоенно. – Что-то случилось?

Арес моргнул, прогоняя оцепенение. Посмотрел на Тая и почувствовал острую, почти физическую горечь. Сейчас бы пойти с ним, взять эту чертову курицу, сидеть на скамейке, жевать, смеяться, обсуждать финты и спорить, кто круче – Леброн или Джордан. Быть нормальным. Быть собой. Но нет. Вместо этого его ждал обед с гостями из Лондона, натянутая улыбка, безупречные манеры и ощущение, что ты марионетка в театре, где спектакль ставит Джулиан Дрейк.

— Слушай, Тай – он замялся, ненавидя себя за то, что должен сказать. – Я не могу. Семейные дела. Обед. Важные гости. Отец звонил. Надо быть дома через час.

Тайрон посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Он знал. Знал про отца, знал про галереи, знал про то, что Арес живет в двух разных мирах и эти миры никогда не пересекаются. Он никогда не спрашивал, не лез в душу, но все понимал без слов.

— Понял, – коротко сказал он. Без осуждения. Без насмешки. Просто констатировал факт. – Тогда давай, беги,

пока твой старик тебе голову не открутил. Но тогда ты мне должен курицу, Дрейк. Слышишь? С процентами.

Арес слабо улыбнулся, хлопнув его по плечу.

— За мной не заржавеет. На следующей неделе двойная порция. Клянусь.

— Ну смотри, – Тайрон уже развернулся и направился к выходу с площадки. – Я запомнил. Ты слово дал. А слово, как говорила моя бабуля, дороже денег. И дороже картин твоего папаши.

Он помахал рукой, а через минуту скрылся за углом. Арес остался один на пустой площадке. Мяч все еще лежал на асфальте, забытый, никому не нужный. Солнце поднялось выше. Тень от кольца стала короче, резче, словно кто-то обрезал ее ножницами. Он наклонился, поднял свой старый мяч. Он был теплым, почти горячим.

Вздыхнув, Арес запихнул мяч в рюкзак, закинул его на плечо и направился к выходу. Во рту пересохло, а в голове билась одна-единственная мысль: он опоздает? Нет Он не может опоздать, потому что должен сидеть за столом, улыбаться гостям, слушать разговоры о ценах на живопись и делать вид, что ему интересно. Делать вид, что он часть этой семьи. Делать вид, что он такой же, как они.

Дорога обратно прошла как в тумане. Метро проглотило его и выплюнуло обратно на Парк-авеню. Он почти бежал, лавируя между прохожими, обливаясь потом, чувствуя, как футболка прилипает к спине. В лобби его встретил уже зна-

комый консьерж и посмотрел с вежливо-осуждающим выражением лица. Арес проигнорировал этот взгляд, вошел в лифт и нажал на кнопку тридцать седьмого этажа. Двери закрылись, отрезая его от остального мира и он в последний раз выдохнул прежде чем снова стать Аресом Дрейком. Не парнем с площадки, а наследником, сыном, экспонатом в коллекции отца.

Лифт остановился. Створки разъехались. И первое, что он увидел, была мать.

Элеонора стояла в холле, нервно теребя край своего кашемирового джемпера. Ее лицо, обычно спокойное и безмятежное, как гладь пруда в безветренный день, было бледным и встревоженным. Глаза метнулись к нему сразу, цепко, с материнской тревогой, которая не имеет ничего общего с укорами или раздражением. Это была тревога в чистом виде. Страх за своего детеныша. Такой же древний, как само человечество.

— Арес! – она шагнула к нему, схватила за плечи, заглянула в лицо, будто проверяя, цел ли он. – Ну наконец-то. Я уже не знала, что думать. Ты не брал трубку, отец рвал и метал Ты в порядке? Ты не поранился? Дай посмотрю.

— Мам, я играл в баскетбол, а не воевал в Афганистане, – мягко убрал он ее руки, стараясь говорить спокойно. – Все нормально. Просто не слышал звонка. Пот и шум, сама понимаешь.

— Понимаю, – выдохнула она, но тревога в ее глазах не

ушла. – Но ты пойми и меня тоже. Твой отец сегодня сам не свой. Эти гости из Лондона, новый аукцион, еще какие-то проблемы с доставкой картин Он нервничает. А ты знаешь, каким он бывает, когда нервничает.

Арес знал. Еще как знал. Джулиан в состоянии стресса превращался в ходячий айсберг. Холодный, безжалостный, способный потопить любой «Титаник», включая собственного сына. Спорить с ним в таком состоянии было все равно что биться головой о бетонную стену. Больно, бессмысленно и безрезультатно.

— Я быстро в душ, мам, – сказал он, направляясь в свою комнату. – Через пятнадцать минут буду готов. В костюме, галстук, с приклеенной улыбкой. Как папа любит. Обещаю.

Элеонора ничего не ответила, только проводила его взглядом. И в этом взгляде было что-то такое, от чего Аресу стало не по себе. Словно она знала что-то, чего не говорила. Что-то, что должно было произойти за этим обедом. Что-то, к чему он был совершенно не готов.

Он вошел в свою комнату, бросил рюкзак на пол и направился в душ. Горячая вода хлестала по плечам, смывая пот, пыль и запах асфальта. Он стоял, уперев руки в кафельную стену и смотрел, как вода утекает в сток, унося с собой остатки того, другого Ареса. Свободного.

Через пятнадцать минут он действительно стоял перед зеркалом, затягивая галстук. Серая ткань костюма сидела идеально, рубашка хрустела свежестью, туфли блестели. От-

ражение смотрело на него с легкой, едва уловимой насмешкой. Ну что, Дрейк, готов к очередному спектаклю? Готов играть роль примерного сына? Готов улыбаться и кивать, пока отец в очередной раз будет демонстрировать тебя гостям как свою самую ценную и самую послушную инвестицию? Арес поправил запонки: тяжелые, платиновые, с выгравированными инициалами «A.D.». Подарок отца на пятинадцатилетие. Символ статуса. Еще один штрих к портрету идеального наследника. И вышел в гостиную.

Гости уже прибыли. Он услышал их голоса еще из коридора — приглушенный, хорошо поставленный смех, звон бокалов с аперитивом, обрывки светской беседы. «совершенно потрясающая работа лондонская галерея в этом сезоне рынок современного искусства показывает небывалый рост» Слова текли плавно, словно дорогое вино из бутылки, которую Марта только что откупорила. А потом он вошел в гостиную и все головы повернулись к нему. Джулиан, стоявший у окна с бокалом, окинул сына быстрым, оценивающим взглядом. Осмотр прошел по разряду «удовлетворительно». Отец едва заметно кивнул, уголок его рта дернулся в подобии улыбки, а после он повернулся к гостям.

— А, вот и он. Мой сын, Арес. Прошу любить и жаловать.

Арес шагнул вперед, вежливо улыбаясь, и начал пожимать руки. Пара из Лондона — мужчина с бакенбардами и его супруга в жемчугах, — какой-то критик с вечно кислым лицом, которого Арес уже где-то видел Имена проносились ми-

мо ушей, не задерживаясь в памяти. Он машинально говорил «очень приятно», «да, я тоже рад знакомству», «спасибо, отец много о вас рассказывал». Стандартный набор. Пустые слова. Фальшивые улыбки. Спектакль начался.

Но когда они садились за стол и Джулиан поднял бокал, чтобы произнести первый тост, Арес вдруг поймал взгляд отца. И то, что он там увидел, заставило его сердце пропустить удар. Это не был взгляд раздраженного родителя, чей ребенок опоздал к обеду. Это было что-то другое. Холодное. Расчетливое. Почти хищное. Словно он приготовил для сегодняшнего обеда особое блюдо.

Отец откашлялся, промокнул губы льняной салфеткой и обвел взглядом собравшихся. Медленно, смакуя момент, как хищник смакует паузу перед броском. Его бокал с шампанским поймал свет от люстры и по скатерти пробежал золотистый зайчик. Арес сидел напротив, неестественно выпрямившись, чувствуя, как воротничок рубашки вдруг стал тесным, как петля.

— Друзья мои, — начал Джулиан, и его голос звучал почти интимно, словно он собирался поделиться сокровенным секретом, — мы все здесь прекрасно знаем, что я не привык размениваться по мелочам. Когда речь заходит о будущем моей семьи, а тем более о будущем моего сына, я не признаю компромиссов. Компромисс, как говаривал мой дед, это искусство делить пирог так, чтобы каждый считал, что ему достался лучший кусок. Но в искусстве, которым занимаемся мы с

вами, леди и джентльмены, нет места делению. Есть только победа.

Он замолчал ровно на секунду, проверяя реакцию. Грузная пара из Лондона закивала с той особенной, сытой благосклонностью, которая бывает только у людей, привыкших получать от жизни все и даже чуть больше. Мужчина, квадратный, массивный, с бакенбардами, походил на отставного борца сумо, которого зачем-то обрядили в костюм с Сэвил-Роу. Его супруга, дама в жемчугах и лиловом шелке, колыхалась при каждом движении, словно гигантский пудинг, который забыли поставить в холодильник. От них обоих пахло дорогим одеколоном

— Именно поэтому, – продолжал Джулиан и его взгляд наконец остановился на Аресе, пригвождая его к стулу, как булавка пригвождает бабочку к картону коллекционера, – я принял решение. После окончания школы Арес отправится в Лондон, где будет изучать искусство под чутким руководством моих дорогих друзей Малькольма и Беатрис Хэмптон-Смит. Он будет жить у них и проходить стажировку в нашей семейной галерее «Drake Contemporary London». Я считаю, это наилучший способ подготовить его к тому будущему, которое его ждет.

Тишина.

Она повисла в воздухе, густая, осязаемая, словно кто-то вылил на стол ведро холодной воды. Арес перестал дышать. Он слышал каждое слово. Они долбили по вискам, как ма-

ленькие, безжалостные молоточки, но смысл ускользал, отказываясь укладываться в голове. Лондон. Искусство. Стажировка. Жить у этих людей. словно его жизнь была не его собственной, а пунктом в деловом контракте, который можно подписать, не спрашивая мнения главного фигуранта. словно он был не сыном, а активом. Еще одной инвестицией.

— О-о-о, дорогой мой мальчик! – Беатрис Хэмптон-Смит всплеснула пухлыми руками и ее жемчужное ожерелье заколыхалось, как поплавки на волнах. Ее лицо расплылось в широчайшей улыбке, обнажая зубы, которые, несомненно, стоили дороже, чем весь этот обед, вместе взятый. – Ты даже не представляешь, как мы счастливы! Правда, Малькольм? Скажи ему, как мы счастливы!

— О да, – пробасил Малькольм, откидываясь на спинку стула так, что та жалобно скрипнула под его весом. Он сложил руки на необъятном животе и его глазки-бусинки, утонувшие в складках кожи, заблестели от удовольствия. – Джулиан, ты не поверишь, но Беатрис буквально на днях говорила мне: «Малькольм, нам нужен наследник». Ну, в смысле, у нас есть наша дорогая Пенелопа, конечно, но она, знаешь ли, ударилась в этот как его в экологический активизм. Протестует, приковывает себя наручниками к бульдозерам, ест одну траву и не бреет подмышки. Ужас. У-жас. – Он покачал головой, и его многочисленные подбородки заколыхались в такт. – А мы с Беатрис всегда мечтали о сыне. О ком-то, кто

продолжит дело. Кто поймет. Кто не побоится испачкать руки в ну, в искусстве.

— О да, дорогой, — подхватила Беатрис, перегибаясь через стол и хватая холодную, безвольную руку Ареса в свою, горячую и влажную, словно свежеиспеченный хлеб. Ее прикосновение было липким от какого-то крема и Аресу стоило невероятных усилий не отдернуть пальцы. — Мы будем тебе как вторые родители. Лучшие родители! У нас в поместье в Суррее такой воздух И галерея в Мейфэре одна из лучших в Лондоне, ты знал? Твой отец и мой Малькольм построили ее буквально из ничего. Из пыли! Из пепла!

— Из пепла, — эхом повторил Арес. Его голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. Он медленно, почти механически высвободил свою руку из цепких пальцев Беатрис и положил ее на стол, рядом с нетронутой тарелкой.

— Ну, не совсем из пепла, конечно, — хохотнул Малькольм, явно не улавливая тона. — Скорее, из очень выгодных инвестиций.

Джулиан наблюдал за этой сценой с непроницаемым лицом, но в его глазах, глубоко, на самом дне, плясали крошечные, почти невидимые искорки удовлетворения. Он добился того, чего хотел. Он объявил о своем решении при свидетелях, при гостях, сделав невозможным немедленный отказ. Это был блестящий тактический ход. Шах и мат. При всем честном народе.

Элеонора, сидевшая между сыном и мужем, побледнела

еще сильнее. Ее пальцы, унизанные кольцами, нервно теребили край скатерти. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, возможно, смягчить удар, перевести разговор в более безопасное русло, но Джулиан бросил на нее один-единственный взгляд и она закрыла рот, так и не произнеся ни звука. Этот взгляд говорил: «Не вмешивайся. Это не твое дело. Я решил. Значит, так и будет». И она подчинилась. Как всегда.

Но Арес О, Арес был не из тех, кто подчиняется. С раннего детства. С того самого дня, как он впервые взял в руки баскетбольный мяч и понял: вот оно. Его. Не отцовское. Не семейное. Его собственное. И сейчас, сидя за столом, глядя на самодовольные улыбки гостей, на холодное, как мрамор, лицо отца, на испуганное матери, он почувствовал, как внутри него поднимается волна. Горячая. Огромная. Неудержимая. Та, что сметает все на своем пути.

Он поднял глаза на Джулиана. И улыбнулся.

— А если я скажу «нет»?

Слова упали на стол, как камни. Звонко. Тяжело. Окончательно. Вилка, которую держал Малькольм, замерла на полпути ко рту. Беатрис перестала сиять. Ее лицо на секунду приняло выражение, которое появляется у людей, когда они понимают: что-то пошло не по сценарию. Совсем не по сценарию.

— Прости, что? – голос Джулиана не изменился ни на полтона. Все тот же ровный, хорошо поставленный баритон. Но

лед в нем стал толще. Намного толще.

— Я сказал: а если я скажу «нет»? – Арес повторил медленнее, громче, чеканя каждое слово. Он отодвинул стул. Тот скрежетнул по паркету, издав звук, похожий на вскрик и встал. Теперь он смотрел на отца сверху вниз. Это, должно быть, было единственное преимущество, которое у него оставалось. Чисто физическое. Но и его было достаточно. — Ты спрашивал меня? Ты вообще допускал мысль, что я могу не хотеть ехать в твой чертов Лондон к этим— он запнулся, бросил взгляд на Беатрис и Малькольма, – к этим людям? Что у меня могут быть другие планы? Другая жизнь? Что я, в конце концов, не твоя собственность?

— Арес, дорогой – начала Элеонора, приподнимаясь со стула. Ее голос дрожал. — Пожалуйста, давай обсудим это позже, наедине, спокойно, не при гостях

— Нет, мам. – Арес даже не обернулся к ней. Он не сводил глаз с отца. – Мы обсудим это сейчас. Потому что «позже» в этом доме означает «никогда». А «наедине» Это когда он говорит, а я слушаю. Я устал слушать. Я хочу, чтобы он услышал меня. Хотя бы раз. Один-единственный раз.

Малькольм кашлянул и отложил вилку. Беатрис прижала пухлую руку к груди, изображая оскорбленную добродетель, но в ее глазах читалось скорее любопытство, чем обида. Такое, знаете, неприличное любопытство вуайериста, с которым смотрят на уличные драки и семейные скандалы. Критик с кислым лицом, сидевший с краю, и вовсе замер с от-

крытым ртом, забыв про свой бокал. Он пришел на скучный великосветский обед, а попал в театр. В партер. В первый ряд.

Джулиан медленно, очень медленно поставил свой бокал на стол. Звук, с которым хрустальное основание коснулось полированного дерева, был тихим, но в наступившей тишине он прозвучал как выстрел стартового пистолета.

— Что ж, — произнес он. Ледяным тоном. Словно каждое слово было обмакнуто в жидкий азот. — Раз ты решил устроить этот спектакль при гостях, давай устроим. Ты хочешь, чтобы я тебя услышал? Я тебя слышу. Я слышу неблагодарного, избалованного мальчишку, который понятия не имеет о том, что для него делается. Которому предлагают будущее. Великолепное, обеспеченное, блестящее будущее, а он воротит нос, потому что ему больше нравится гонять мяч по грязному асфальту с чернью из Гарлема.

— Это мои друзья! — крикнул Арес, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Голос сорвался на верхней ноте, и это было унижительно, по-детски, но ему было плевать. — Это не «чернь»! Это люди! Живые, настоящие люди, которые не оценивают друг друга по ценнику на стене! Которые не продают и не покупают души оптом и в розницу! В отличие от тебя и твоих

Он запнулся, но было поздно. Слово уже сорвалось, повисло в воздухе, как дым от выстрела, который нельзя вернуть обратно в ствол.

— Договаривай, – тихо сказал Джулиан. – Договаривай, Арес. Не стесняйся. Ты начал Так заканчивай.

— Арес, пожалуйста, умоляю тебя, – Элеонора вскочила, схватила его за локоть. Ее пальцы были ледяными и дрожали. – Просто уйди в свою комнату. Просто уйди. Мы поговорим потом. Все уладим. Не делай этого сейчас. Не при них. Не с ним. Ты же знаешь, чем это кончится.

Но он не ушел. Он вырвал руку Не грубо, но решительно, сделал шаг назад, чтобы видеть всех разом. Отца Ледяного, собранного, с каменным лицом и глазами-скальпелями. Мать Испуганную, бледную, сломленную, не смеющую перечить. Гостей Ошарашенных, любопытных, жадных до чужого скандала. И себя В отражении огромного, во всю стену, зеркала в стальной раме. Высокого, жилистого парня с пылающими глазами, красными пятнами на скулах и сжатыми в кулаки руками. Парня, который только что объявил войну.

— Я. Не. Поеду. – сказал он, разделяя слова паузами, вбивая их, как гвозди. – Ты можешь лишить меня денег. Можешь запереть меня в этой квартире. Можешь пригрозить мне всем, чем угодно. Я не поеду в Лондон. Я не буду изучать твое искусство. Я не стану частью твоего бизнеса. У меня свой путь. И если ты не можешь этого принять Это твоя проблема. Не моя.

Джулиан молчал. Секунду. Две. Три. Тишина сгустилась до такой степени, что ее, казалось, можно было резать ножом и подавать на десерт. А потом он улыбнулся. Но это была не

улыбка. Это был оскал, замаскированный под вежливость, — тонкий, как лезвие, и такой же опасный.

— Я вижу, воспитание, которое я тебе дал, не пропало даром, — произнес он. — Ты умеешь говорить. Красиво. Пафосно. Даже убедительно. Жаль только, что ты до сих пор не научился главному Понимать, с кем ты разговариваешь.

Он взял свой бокал и сделал крошечный, почти незаметный глоток, не сводя глаз с сына. — Я не буду обсуждать это с тобой сейчас. Потому что здесь нечего обсуждать. Решение принято. И ты поедешь в Лондон, Арес. Ты поедешь, потому что я так сказал. Потому что я твой отец. Потому что, пока ты живешь в моем доме и ешь мою еду, ты будешь делать то, что я скажу. Это понятно? Или нужны более простые слова?

— Да пошел ты, — сказал Арес.

Тихо. Но отчетливо. Каждое слово как плевков в лицо.

Беатрис ахнула, прижав салфетку к губам. Малькольм издал какой-то неопределенный звук: не то смешок, не то всхлип. Элеонора закрыла лицо рукой. Критик с кислым лицом медленно, с наслаждением отпил из бокала, предвкушая, как будет пересказывать эту историю своим друзьям. А Джулиан Джулиан перестал улыбаться.

— Вон, — сказал он. Голос был тихим, но в нем звенела такая сталь, что, казалось, еще немного и воздух начнет искриться. — В свою комнату. Сейчас же. Ты опозорил меня, опозорил мать, опозорил гостей. Ты не выйдешь из дома до понедельника. Никакого баскетбола. Никаких прогулок. Ника-

ких друзей из Гарлема. Ты сидишь в своей комнате и думаешь над своим поведением. А в понедельник мы вернемся к этому разговору. И поверь мне, он будет совсем другим.

Арес стоял, сжимая и разжимая кулаки. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выскочить наружу. Ему хотелось кричать. Крушить. Опрокинуть этот чертов стол со всей его дорогой посудой и этими улыбающимися, самодовольными лицами. Но он сдержался. Не потому, что испугался. А потому, что увидел глаза матери. В них стояли слезы. Настоящие, горячие, беспомощные слезы. И именно это, а не гнев отца, заставило его развернуться и выйти.

Он прошел через гостиную, чувствуя на спине взгляды. Он толкнул дверь в свою комнату, вошел и закрыл ее за собой. Не хлопнул, нет, хлопнуть дверью было бы слишком по-

детски... Просто закрыл. Плотно. Так, чтобы больше ничего не слышать.

Прислонившись спиной к двери, он медленно сполз на пол. Перед глазами все еще стояли лица. В ушах звенели слова. «Ты поедешь в Лондон». «Мы мечтали о сыне». «Решение принято...». «Пока ты живешь в моем доме...».

В своей комнате Арес подошел к окну. Он смотрел на зеленые кроны, на крошечные фигурки бегунов и велосипедистов. Там, внизу, была жизнь. Настоящая. Свободная. А здесь, наверху, была только клетка. Золоченая, просторная, с кондиционированным воздухом и видом на миллион долларов. Но клетка. Он уперся лбом в прохладное стекло и закрыл глаза.

В гостиной, за плотно закрытой дверью, воцарилась неловкая, звонкая тишина. Слышно было только, как Беатрис нервно помешивает ложечкой чай, да как Малькольм прочищает горло, не решаясь заговорить. Джулиан Дрейк стоял у окна, спиной к гостям, с идеально прямой осанкой, и смотрел на тот же самый Центральный парк.

Первой не выдержала Беатрис. Ну еще бы Эта женщина, казалось, была физически не способна находиться в тишине дольше тридцати секунд. Она отложила ложечку. Та звякнула о блюде чуть громче, чем допускали приличия. — Ну что ж, - выдохнула она и ее голос, обычно воркующий, как у сытой голубки, теперь звучал натянуто, как струна гитары которую перекрутили на пол-оборота. - Я думаю Нам, навер-

ное, пора. Малькольм, дорогой, ты не находишь?

Малькольм, чье лицо за последние пять минут приобрело оттенок несвежей свеклы, закивал с такой поспешностью, что его подбородки заходили ходуном. — О да. Да-да. Определенно. - он завозился на стуле, пытаясь подняться, и стул снова жалобно скрипнул. - У нас еще, э-э-э встреча. Ты же помнишь, дорогая? Та самая встреча. Очень важная.

Встреча была такой же липовой, как улыбка, которую он сейчас нацепил на лицо. В субботу днем? Но это была спасительная ложь, которая позволяет всем сохранить лицо, делая вид, что ничего не произошло: что подросток не послал своего отца при гостях, что обед не был безнадежно, катастрофически испорчен.

Критик поднялся первым. Он был худ, как борзая и двигался со скользящей грацией. В его глазах, глубоко посаженных и блестящих, читалось откровенное, почти неприличное удовольствие. Он пришел на скучный обед, а уходил с историей, которую можно будет пересказывать ближайшие полгода, смакуя каждую деталь: «Вы слышали, что учудил сын Джулиана Дрейка? Нет? О, это просто катастрофа. Сидим мы, значит, у них в гостиной»

Он поправил воротник своего пиджака и повернулся к хозяину дома.

— Джулиан, - произнес он нейтральным, чуть сухим тоном. - Спасибо за обед. Лосось был великолепен. Передайте мои комплименты вашему повару.

Лосось. Он говорил о рыбе, как будто последние пятнадцать минут не разорвали ткань реальности в этой гостиной на мелкие клочки, как будто воздух все еще не звенел от эха произнесенных порочных слов, которые висели под потолком, словно дым от пожара.

Джулиан наконец повернулся. Медленно. Его лицо было маской. Идеальной, фарфоровой, без единой трещинки. Только вот глаза Глаза его были двумя осколками арктического льда, и в них не было ничего, кроме холодной, просчитанной до миллиметра ярости. — Рад, что вам понравилось, - ответил он. - Приношу извинения за незапланированное представление. Подростковый максимализм, ничего более. Уверен, вы понимаете.

Он не извинялся. Он ставил диагноз. Подростковый максимализм. Три слова, которые должны были свести только что произошедшее к банальной, не стоящей внимания истерике. Никакой драмы. Никакого бунта. Просто гормоны. Просто возраст. Пройдет.

Беатрис, ухватившись за эту соломинку, немедленно закивала с энтузиазмом. — О, конечно-конечно! - заворковала она, поднимаясь и оправляя свой лиловый шелк, который за время сидения предательски помялся на боках. - Мы все через это проходили. Помню, наша Пенелопа в четырнадцать лет заявила, что уходит из дома и будет жить в коммуне веганов. Представляете? Она рассмеялась, но смех вышел слишком высоким, слишком искусственным. — Это возрастное.

Пройдет. Малькольм, ты идешь?

Малькольм уже был на ногах. Он надвигался на Джулиана с протянутой рукой: широченной, мясистой, с золотым перстнем на мизинце. Вид у него был одновременно виноватый и заискивающий. — Джулиан, старина, - пробасил он, стискивая ладонь хозяина дома с чрезмерной сердечностью, - не переживай. У всех бывают э-э-э... разногласия. В семье без этого никуда. Мы с Беатрис все понимаем. Правда, дорогая?

— О да, - поддакнула Беатрис, натягивая перчатки. - Мы все понимаем.

Все понимаем Это, конечно, был код. Код, означавший: мы ничего не понимаем, мы в шоке, мы никогда не видели, чтобы с Джулианом Дрейком так разговаривали, но мы делаем вид, что это нормально, потому что бизнес есть бизнес, а Лондонская галерея приносит слишком хорошую прибыль, чтобы ссориться из-за какого-то мальчишки.

Элеонора, которая последние минуты стояла в стороне, молчаливая и бледная, как статуя, наконец вышла из своего оцепенения. Она шагнула вперед, ее каблуки простучали по паркету торопливой, нервной дробью. — Я провожу вас, - сказала она тихо, но твердо. - Марта, лифт, пожалуйста.

Домработница, которая все это время стояла в дверях, застыв, как изваяние, с графином воды в руках, который она так и не решилась подать, встрепенулась и бросилась вызывать лифт. Элеонора взяла на себя роль дипломата. Роль, ко-

торуя она играла последние двадцать лет, сглаживая углы, которые оставлял после себя Джулиан. Она шла рядом с Беатрис, чуть касаясь ее локтя и тихо, почти интимно говорила что-то про погоду, про пробки в центре, про то, как жаль, что обед пришлось прервать. Обычные светские слова-пустышки, которые на самом деле ничего не значили, но создавали иллюзию нормальности. Беатрис подыгрывала ей. Она кивала, улыбалась, даже издала смешок, которым смеются богатые дамы, когда хотят показать, что никто ничего не заметил в этой ситуации. Малькольм шел позади, пыхтя и отдуваясь, его бакенбарды топорщились в стороны, придавая ему вид старого моржа, которого вытащили на сушу. Критик замыкал шествие.

У лифта возникла небольшая заминка. Нужно в последний раз обменяться рукопожатиями, кивками, полуулыбками. Беатрис порывисто схватила Элеонору за обе руки и наклонилась к ней с видом, будто собиралась сообщить государственную тайну. — Дорогая моя, - прошептала она, обдавая Элеонору запахом пудры и мятных леденцов, - я просто восхищаюсь твоей выдержкой. Это просто.. - Она замялась, подыскивая слово. — Это просто святость. Я бы на твоём месте, честное слово!.. - она не договорила, но многозначительно закатила глаза, ее жемчужное ожерелье снова заколыхалось, как поплавки на волнах. Элеонора ничего не ответила. Только улыбнулась. Улыбкой женщины, которая только что видела, как ее семья ссорится и не смогла сделать ниче-

го, чтобы это остановить. Ничего.

Двери лифта наконец закрылись, отрезая гостей от квартиры. В последнюю секунду Малькольм успел помахать рукой, словно они только что расстались после чудесного воскресного барбекю. Лифт загудел, унося их вниз.

А наверху, в гостиной, остались двое.

Элеонора вернулась от лифта и остановилась в дверях, не решаясь войти. Джулиан стоял на том же месте, у окна. — Джулиан, - тихо позвала Элеонора. Ее голос прозвучал робко, почти просительно. Так говорят с хищниками. Мягко, осторожно, чтобы не спровоцировать бросок.

Он не обернулся. Только плечи чуть дрогнули.

— Они ушли? - спросил он. Вопрос был риторическим. Он знал, что они ушли. Он слышал звуки лифта.

— Да, - ответила она, делая крошечный шаг вперед. - Я извинилась перед ними. Беатрис сказала, что они все понимают. Что это возрастное.

Джулиан издал короткий, сухой смешок без тени веселья. — Возрастное, - повторил он, пробуя слово на вкус. Кажется, пришлось ему не по нутру. - Ему шестнадцать, Элеонора. Шестнадцать. В этом возрасте я уже работал в галерее отца и не позволял себе даже думать о том, чтобы повисить голос за столом. А он он послал меня. При всех. Ты понимаешь, что это значит? Не для меня! Для него? Он только что публично отказался от всего, что я для него построил. От всего.

Элеонора прикусила губу. Она подошла ближе, почти

вплотную, и положила ладонь на его плечо. Ткань пиджака была холодной и гладкой, как лед. — Он еще ребенок, - сказала она. - Он не понимает. Он думает, что ты хочешь отнять у него то, что он любит. Баскетбол, друзей... Может быть, если бы ты поговорил с ним не как с деловым партнером, а как с сыном

— Я говорил с ним как с сыном! - резко оборвал ее Джулиан, сбрасывая ее руку с плеча достаточно решительно, чтобы она отступила. - Я говорил с ним как с сыном, которому желаю лучшего. Лучшего, понимаешь? Будущего! Карьеры! Состояния! Имени! Он Дрейк, мать его! Он носит мою фамилию! И он будет делать то, что должен делать Дрейк!

— Даже если он этого не хочет? - тихо спросила Элеонора. Ее глаза снова наполнились слезами, но голос не дрожал. - Даже если это сделает его несчастным?

Джулиан повернулся к ней. Его лицо, только что бывшее маской спокойствия, на мгновение дрогнуло. На одно короткое, почти незаметное мгновение в нем проступило что-то человеческое. Усталость. Или сожаление. Или, может быть, тоска по тому, чего он сам никогда не имел. — Счастье Это не то, что он думает, - произнес он, словно объясняя самому себе. — Счастье Это когда у тебя есть все. А все – это то, что я ему даю. Он просто еще слишком молод, чтобы это понять.

Он замолчал. Элеонора тоже молчала. Они стояли друг напротив друга в огромной, залитой солнцем гостиной, и между ними лежала пропасть из невысказанных слов, по-

давленных обид и семейного холода, который не лечится ни деньгами, ни временем.

Бесшумно, как призрак, в гостиную просочилась Марта. Она замерла на мгновение у порога, оценила масштаб бедствия: недопитое шампанское в четырех бокалах, скомканые салфетки, почти нетронутый лосось на тарелках, крошки от бриоши, рассыпанные по скатерти. Ее лицо, обычно бесстрастное, как у буддийской монахини, едва заметно дрогнуло. Она работала у Дрейков одиннадцать лет и могла по звуку шагов определить, кто в каком настроении вышел из лифта. Сегодняшний обед был катастрофой. Это слово она, конечно, никогда бы не произнесла вслух. Но про себя... Да. Она начала собирать тарелки. Двигалась почти беззвучно. Годы практики выработали у нее привычку исчезать, когда в доме назревает гроза. Вилки, ножи, хрустальные бокалы... Все отправлялось на поднос с бережной скоростью. Осколков, слава богу, не было. Физических, во всяком случае. Джулиан к тому времени уже скрылся в кабинете. Дверь закрылась с характерным, тяжелым щелчком, который в этом доме означал не входить ни при каких обстоятельствах. За этой дверью, обитой звукоизоляцией, он мог стоять, прислонившись лбом к книжному шкафу, а мог сидеть в кожаном кресле, глядя в одну точку на стене, где висел эскиз Мондриана. Никто не знал.

Элеонора все еще стояла посреди гостиной, кусая губу и глядя в пустоту. Когда Марта потянулась за графином с во-

дой, она встрепенулась.— Давай помогу, - сказала она, шагнув к столу и взявшись за край тяжелого блюда с нетронутым десертом: невероятным муссом из маракуйи, который теперь отправится прямиком в мусорное ведро.

Марта замерла, ее руки повисли в воздухе. Она была из старой школы. Из тех, кто считает, что хозяйка не должна носить грязную посуду, но Элеонора посмотрела на нее взглядом, в котором читалось столько усталой, беспомощной решимости, что домработница лишь едва заметно кивнула и отступила на шаг.

Они убрали вместе. Марта загрузила посудомоечную машину и приборы. Элеонора сняла скатерть со следами пролитого вина, которую она аккуратно свернула и отнесла в прачечную. За этим занятием, простым и монотонным, ей было легче. Руки заняты — голова свободна. Ну, почти.

Через час квартира выглядела так, будто никакого обеда не было вовсе. Чистота. Свежесть. Тишина, нарушаемая лишь привычным гулом климат-контроля. Марта ушла на кухню. У нее там еще оставались кастрюли и сковороды, требовавшие внимания. Элеонора осталась одна в гостиной, чувствуя, как вечер медленно, неумолимо вползает в окна, заливая комнату тяжелым, медовым светом заката.

Она думала о сыне.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как он закрылся в своей комнате. Ни звука. Ни шагов. Она знала, что он там. Слышала, как включалась вода в ванной, как что-то негром-

ко играло из динамиков ноутбука, но эта тишина ее пугала. Слишком громкая. Слишком полная.

Элеонора сняла туфли и босиком, неслышно ступая по паркету, подошла к двери в комнату Ареса. Помедлила. Прислушалась. Изнутри доносился приглушенный, ритмичный звук. Она тихо постучала.

— Арес? Можно?

Пауза. Короткая. Потом шаги. Дверь открылась.

Он стоял перед ней, прислонившись плечом к косяку. За эти несколько часов он успел переодеться: спортивные шорты свободного кроя, старая футболка с логотипом «Никс». Платиновые волосы, обычно уложенные в небрежную, но продуманную прическу, сейчас торчали в разные стороны. Он то и дело запускал в них пятерню, нервничая. Серо-голубые глаза смотрели устало, но спокойно. Буря, бушевавшая в них за обедом, улеглась. Остался только штиль. И, может быть, пара обломков на дне.

— Привет, - сказал он.

— Привет, - ответила она.

Элеонора окинула взглядом комнату. На столе раскрытый ноутбук с видео на YouTube: какой-то матч НБА. На полу кроссовки, брошенные впопыхах и пара гантелей. Мяч, сиrotливо лежал в углу, но не на полу, а на стуле, словно ему было выделено особое, почти почетное место. Кровать не заправлена. На тумбочке телефон экраном вниз, в режиме «не беспокоить». Он включал его, когда не хотел ни с кем гово-

речь. Когда мир становился слишком громким.

— Я не вовремя? - спросила она, все еще стоя на пороге.

— Нет. - Он отступил в сторону, пропуская ее. - Заходи.

Она вошла. Опустилась на край его кровати с простынями из египетского хлопка и сложила руки на коленях. Арес остался стоять у стола, опираясь на него ладонями, чуть сторбившись. Он не смотрел на нее. Он смотрел куда-то в угол, туда, где мяч сидел на стуле, словно старый, молчаливый друг.

— Как ты? - спросила она. Глупый вопрос. Она сама это понимала. Но с чего-то надо было начать.

— Жив, - он пожал плечами. - Вроде.

— Я хотела поговорить. О том, что было за обедом.

— Давай только без этого, мам. - Он вскинул голову. В

глазах мелькнуло что-то острое, колючее, но тут же исчезло. - Без «твой отец желает тебе добра» и «он просто не умеет выражать чувства». Я это слышал. Много раз.

— Я не это хотела сказать.

Он посмотрел на нее. Пристально. Она сидела на его кровати: маленькая, босая, в измятом кашемировом джемпере, с распущенными волосами, в которых уже поблескивали первые серебряные нити. И в этот момент она была не светской львицей, не миссис Дрейк, не женой всемогущего Джулиана. Она была просто мамой. Его мамой.

— Тогда что? - спросил он.

Элеонора помолчала. Пальцы ее снова теребили край одежды. На этот раз собственного рукава.— Я не знаю, как сделать так, чтобы он тебя услышал, - сказала она наконец. - Я пробовала. Правда. Последние несколько лет я пробовала. Но он Джулиан... Он устроен по-другому. Для него любовь это контроль. Безопасность это план. А все, что не вписывается в план... Это угроза. Не для бизнеса. Для него самого. Понимаешь?

Арес молчал. Он понимал. Даже слишком хорошо.

— Ты для него не вещь, понимаешь? - продолжала она, голос дрогнул, но удержался. - Ты его сын. Единственный. Он не знает, как это показать, кроме как построить тебе будущее. Такое, какое он считает правильным. Я не оправдываю его. - она подняла руку, предупреждая возражение. — То, что он сказал про твоих друзей это было отвратительно.

Я не согласна. Я никогда не была с ним согласна в этом.

— Тогда почему ты молчала? - Арес задал этот вопрос тихо, без вызова, но от этого он прозвучал еще сильнее. - Почему ты всегда молчишь?

В комнате повисла пауза. За окном, в Центральном парке, зажглись первые фонари. Их свет, мягкий и размытый, просачивался сквозь стекло и ложился на пол бледными квадратами.— Потому что я боюсь, - тихо ответила Элеонора. - Не за себя. За тебя. Боюсь, что если я встану между вами, он разозлится еще сильнее. И тогда он не просто отправит тебя в Лондон. Он сделает так, что ты вообще не сможешь вернуться. Я знаю его. Я живу с ним двадцать два года. Он не умеет проигрывать.

Арес медленно опустился на игровой стул, что стоял рядом и взял со стола карандаш, который начал крутить между пальцами. — И что мне делать? - спросил он, не глядя на мать. - Сказать «да, папочка, я поеду в Лондон, я буду продавать картины, я стану твоей копией»? Я не могу, мам. Я задыхаюсь в этой жизни. Я не хочу быть галеристом... Ты понимаешь?

— Понимаю, - она встала, подошла к нему и положила ладонь на его плечо. Рука была теплой, но все еще чуть дрожала. - Я видела тебя на играх. Ты светишься. Ты становишься другим человеком. Я, может, не все понимаю в баскетболе, но я понимаю, что делает людей счастливыми....

Он поднял голову. Их глаза встретились.— Я не поеду в

Лондон, - отрезал он. - Я скорее уйду из дома. Серьезно.

— Не говори так. - Ее пальцы сжались на его плече. - Не надо. Давай попробуем по-другому. Я поговорю с ним. Еще раз. Завтра, когда он остынет. Может быть, есть компромисс. Может быть, можно совмещать учебу и спорт. Я не знаю. Но я попробую. Обещаю.

— Он не остынет, - мрачно заметил Арес. - Ты сама сказала: он не умеет проигрывать.

— Да, - согласилась она. - Но я не он. И я еще не проиграла.

Впервые за долгое время в его глазах мелькнуло что-то похожее на надежду. Слабая, неуверенная, как росток, пробивающийся сквозь асфальт. Но все же.

— Спасибо, - сказал он. Одно слово. Без пафоса. Просто слово, которое весило больше, чем все произнесенные за этот день речи.

Элеонора наклонилась и поцеловала его в макушку. Волосы пахли чем-то цитрусовым. Его шампунем, который она покупала ему в магазине на Мэдисон-авеню. Она помнила, как он впервые покрасился в этот платиновый. Ему было четырнадцать. Отец тогда не разговаривал с ним неделю. Но она сказала: «Тебе идет». И это было правдой. Ему шло. — Я пойду, - она отпустила его плечо и направилась к двери. - Отдыхай. И, Арес... Она обернулась на пороге, — Понедельник еще не наступил. У нас есть завтра. Целое воскресенье. Может, что-то изменится.

— Может, - эхом отозвался он. Но в голосе его не было уверенности.

Она вышла, прикрыв за собой дверь. Арес остался в комнате. Солнце окончательно село. Комната погрузилась в синеватые сумерки, которые бывают только в Нью-Йорке, когда свет от небоскребов смешивается с остатками дня. Он не стал включать лампу. Просто сидел в темноте, слушая отдаленный гул города...

Глава 2. Прямо в лоб

Лондон.

А вот этот город, в отличие от своего заокеанского кузена, не переваривает. Он тебя игнорирует. С особым, сдержанным высокомерием, на которое способны только старые деньги и древняя имперская столица. Нью-Йорк орет, толкается, хватается за грудки и дышит перегаром в лицо. Лондон же лишь приподнимает бровь и отворачивается, делая вид, что ты не существуешь. Проходи. Если достоин. Если нет. Что ж, тут есть сотни других улиц, переулков, тупиков, где можно тихо исчезнуть под вечный аккомпанемент морозящего дождя.

Дождь здесь не погода. Это состояние души. Он не льет стеной, как в тропиках и не обрушивается короткими яростными ливнями, как в Нью-Йорке в июле. Он моросит. Мелко, настырно, почти лениво. Этакая водяная пыль, которая умудряется просочиться за воротник пальто, даже если ты вышел из дома на три минуты. Капли висят в воздухе, словно застывшая изморось и свет фонарей дробится в них на миллионы крошечных призм. К трем часам дня уже смеркается. Старая добрая британская зима, когда небо над Темзой приобретает цвет несвежего супа из лука-пороя.

Здесь пахнет сырой шерстью пальто в переполненном вагоне метро, выхлопами черных кэбов, которые пахнут как-

то благороднее, чем обычные такси (может, потому что солярка здесь дороже?) и вездесущий аромат жареных каштанов, который ветер тащит от тележки на углу Найтсбриджа прямо к воротам Гайд-парка. В парке пахнет прелой листвой, мокрой землей и чем-то аристократичным. словно сама история, пропитавшая эти газоны, источает слабый аромат трубочного табака и старых книг.

Звучит Лондон совсем иначе, чем Нью-Йорк. Тише. Приглушеннее. Здесь никто не сигналиит без крайней необходимости. Попробуй посигналь на Пикадилли — на тебя посмотрят так, будто ты испортил воздух в церкви. Вместо какофонии клаксонов цоканье копыт по брусчатке. Королевская конная гвардия, все еще марширует тут, как в девятнадцатом веке, скрип тормозов двухэтажного автобуса, который складывается гармошкой на повороте и бесконечное, заунывное «mind the gap», разносящееся из динамиков подземки. Этот голос, вежливый до зубовного скрежета, предупреждает о зазоре между платформой и поездом с такой интонацией, словно это как минимум вопрос жизни и смерти.

Лондон не давит вертикалями, как Манхэттен. Он расплзается вширь, как гигантский каменный спрут, щупальца которого тянутся от Чаринг-Кросс до самых окраин Суррея. Здесь не так много небоскребов. Разве что Сити торчит иглами из стекла и стали, да и то как-то неловко, словно их построили, пока сама королева отвернулась. Основная же архитектура это крепкие, приземистые георгианские террасы, бе-

лые портики, черные кованые ограды и красный кирпич викторианских особняков. Кирпич этот темнее нью-йоркского. Он не просто красный Он багровый, бурый, местами почти черный от копоти, накопившейся за два столетия. И окна. Огромные, сияющие чистотой, с идеально белыми рамами, за которыми прячется совсем другая жизнь.

И если в Нью-Йорке ты чувствуешь себя песчинкой в муравейнике, то здесь Скорее случайным гостем в частном клубе, куда тебя, скорее всего, не приглашали. Лондон не для всех. Он для тех, кто знает правила. Кто понимает, что на Честер-сквер не принято гулять с собакой без поводка, что в «Хэрродс» лучше не заходить в спортивных штанах, а на чай в «Клариджес» записываются за месяц. Для тех, кто родился с серебряной ложкой во рту. Или, что важнее, с правильным почтовым индексом.

Кенсингтон. Белгравия. Мейфэр. Челси.

Эти названия звучат как заклинания, но именно они открывают двери, закрытые для простых смертных. За высокими, обитыми черной краской дверьми с начищенными до блеска латунными ручками в виде львиных голов течет совсем другая жизнь. Там, внутри, пахнет не дождем и выхлопами, а лавандовой полиролью, выдержанным хересом и розами, которые садовник меняет в вазах каждое утро.

В одном из таких особняков — белоснежном, георгианском, с увитым плющом фасадом и садом, спускающимся к частному скверу, жила Арабелла Карлайл. И если вы поду-

мали, что это имя звучит так, будто его придумали специально для фарфоровой куклы в витрине «Хэмлис», что ж Вы не так уж далеки от истины. Вот только кукла эта умела стрелять, цитировать «Гордость и предубеждение» задом наперед и плевать на правила с грацией, которой позавидовала бы сама королева.

В особняке Карлайлов утро начиналось не с будильника. С кофе.

Ровно в шесть двадцать, когда над Кенсингтоном еще висела густая, как овсянка, декабрьская мгла, миссис Хэтэуэй уже стояла у плиты в цокольной кухне, помешивая жижу в медной турке. Она варила кофе по-турецки — мелкий помол, щепотка кардамона, ни грамма сахара. Не для хозяев. Для себя. Это был ее ритуал, ее одинокие пятнадцать минут до того, как дом проснется и начнет требовать, звонить, скрипеть половицами. В свои шестьдесят два Патрисия Хэтэуэй, экономка с тридцатипятилетним стажем, обладала лицом, которое можно было бы назвать суровым, если бы не глаза Выцветшие, серо-зеленые, с притаившейся в уголках искоркой, которую она тщательно скрывала. Она знала об этом доме все: где лежит запасной ключ от винного погреба, в каком ящике комода миссис Карлайл хранит свои дневники и почему на паркете в восточном коридоре есть царапина в форме полумесяца (мисс Арабелла, восемь лет, роликовые коньки). Но она никому этого не рассказывала. Хорошая экономка — это немая энциклопедия.

К семи утра дом начинал подавать признаки жизни. В подвальном этаже, где располагались кухня, прачечная и кладовые, уже вовсю кипела работа. Две горничные — сестры Анна и Мария, польки из Кракова, накрывали на стол в комнате для завтраков. Это была малая столовая, обитая светло-зеленым шелком, с эркерным окном, выходящим в сад. Сейчас, в декабре, сад выглядел как графика тушью: голые черные ветки фруктовых деревьев на фоне серого неба, идеально подстриженные тисы, похожие на гигантские шахматные фигуры и каменная чаша фонтана, накрытая брезентом до весны. Анна расставляла на столе фарфор «Веджвуд» (белый, с синей каймой, свадебный подарок матери Терезы, ни одной трещины за четверть века), пока Мария полировала столовое серебро, тихо напевая что-то под нос.

— Анна, — произнесла миссис Хэтэуэй, появляясь в дверях кухни с чашкой кофе в руке (фарфор, но не хозяйский, а ее собственный, с отбитой ручкой, купленный на блошином рынке в Портобелло), — ты положила утреннюю почту в кабинет мистера Карлайла?

— Да, мэм. «Таймс», «Файнэншл Таймс» и «Гардиан». И письмо из Даунинг-стрит, как обычно.

— И? — экономка приподняла бровь.

— Положила сверху. Чтобы сразу заметил. И конверт перевернула, как вы учили. Гербом вверх.

Миссис Хэтэуэй кивнула. Письма из Даунинг-стрит приходили раз в месяц. Ничего секретного, просто приглашения

на благотворительные ужины и правительственные приемы, но Джеймс Карлайл любил, чтобы они лежали на виду. Политика его не интересовала, но он обожал, когда политики интересовались им. Крупный строительный холдинг с государственными контрактами Это вам не лавка с обоями. Это власть. Тихая, бетонная, невидимая глазу, но от этого не менее реальная.

Наверху, в парадной гостиной, Уилкс уже раздвигал шторы. Себастьян Уилкс, дворецкий, был единственным мужчиной в штате прислуги, если не считать Бриггса, который совмещал обязанности водителя и садовника и в дом без особого приглашения не заходил. Уилксу было пятьдесят восемь. Он служил у Карлайлов пятнадцать лет, а до этого двадцать лет в Королевском флоте. Выправка у него была такая, что даже миссис Хэтэуэй иногда забывала о своем скепсисе и почтительно понижала голос. Он двигался по дому бесшумно, как подводная лодка в режиме «тишина» и обладал редким талантом появляться именно в тот момент, когда требовалась помощь и исчезать ровно за секунду до того, как его присутствие переставало быть необходимостью.

— Доброе утро, Уилкс, — произнесла миссис Хэтэуэй, проходя через гостиную с подносом для завтрака (миссис Карлайл предпочитала завтракать в постели, когда у нее не было утренних репетиций).

— Доброе, миссис Хэтэуэй. — Он чуть наклонил голову. — Сегодня ожидается снег. Я распорядился, чтобы Бриггс

проверил шины на «Ровере».

— Снег? В декабре? Какая неожиданность.

Уилкс позволил себе тень улыбки — настолько мимолетную, что, моргни вы в этот момент, вы бы ее пропустили.

— Именно так я и сказал Бриггсу, миссис Хэтэуэй. Он ответил, что я чертов оптимист и ушел проверять антифриз.

Экономка фыркнула. Бриггс, шестидесятипятилетний йоркширец с лицом, напоминавшим печеное яблоко и лексиконом портового грузчика, был единственным человеком в доме, кто позволял себе разговаривать с дворецким в такой манере. Они дружили. Насколько вообще могут дружить два человека, которые пятнадцать лет спорят о том, как правильно подстригать тисы.

На кухне тем временем кипела основная работа. Месье Лоран (вообще-то он был Лоуренс, но родился в Марселе, и титул «месье» прилип к нему намертво, как запах чеснока к старой разделочной доске) готовил завтрак для мистера Карлайла. Джеймс Карлайл завтракал в восемь ноль-ноль, всегда в одно и то же время, всегда одно и то же: два яйца «пашот» на тосте из цельнозернового хлеба, половина грейпфрута, черный кофе. Никаких экспериментов. Месье Лоран, в прошлом шеф-повар мишленовского ресторана в Лионе, разорившегося в кризис 2008-го, готовил эту простую еду с таким выражением лица, словно его заставили играть гаммы на «Стейнвее». Он был толстоват, лысоват и обладал взрывным темпераментом, который компенсировался только его

же добродушием. Четыре года назад, когда миссис Карлайл попросила его приготовить вегетарианский ужин для гостей, он швырнул сковороду в стену, а потом извинялся три дня, прислав в спальню хозяйки корзину фиалок и собственноручно испеченный лимонный торт.

— Чертова погода, — проворчал он, разбивая яйцо над кастрюлей с кипящей водой. — В Марселе сейчас солнце. Мимоза скоро зацветет. А здесь — Он сделал неопределенный жест рукой, охватывающий все за окном: серое небо, мокрый сад, далекий силуэт крыш Кенсингтона. — Туман. Сырость. Утка и та простудится.

— Вы простудитесь, если будете стоять у открытого окна, — заметила Анна, не отрываясь от сервировки. — Закружи бы.

— Я проветриваю! — возмутился повар. — У меня тут соус!

— Какой соус? Вы яйца варите.

— Вот именно! К яйцам нужен соус! Ты понимаешь что-нибудь в кулинарии, девочка? Или у вас в Кракове яйца едят просто так?

— У нас в Кракове их едят с майонезом, — невозмутимо ответила Анна.

Месье Лоран хотел ответить что-то едкое, но его перебила Мария, которая как раз выглянула в окно:

— О, Бриггс уже выгнал машину из гаража. Наверное, мистер Карлайл скоро спустится.

Джеймс Карлайл действительно спустился. Его шаги раздались на лестнице ровно в семь пятьдесят. Это был крупный мужчина с квадратной челюстью, песочного цвета волосами, уже тронутыми сединой на висках и взглядом человека, который привык к тому, что его приказы исполняются еще до того, как он их озвучит. Он носил костюмы от Anderson & Sheppard, галстуки от Hermes и часы Patek Philippe. Он построил свою империю с нуля, начав с небольшой фирмы по ремонту крыш в Бирмингеме и теперь его компания выигрывала тендеры на строительство мостов, больниц и правительственных комплексов. Джеймс Карлайл был олицетворением редкого типа британского богатства, которое не кричит о себе, но при этом видно за версту.

— Доброе утро, Уилкс, — произнес он, проходя в столовую и беря со стола «Файнэншл Таймс».

— Доброе утро, сэр. Письмо с Даунинг-стрит сегодня наверху.

— Опять? — Карлайл хмыкнул, разворачивая газету. — Надеюсь, на этот раз они не будут просить меня спонсировать ремонт их чертовой канцелярии. Я не раздаю милостыню.

— Я не вскрывал, сэр. Но конверт толще обычного. Возможно, это приглашение на рождественский прием.

— Посмотрим. — Он отхлебнул кофе и поморщился. — Уилкс, передайте Лорану, что кофе сегодня горчит.

— Передам, сэр.

Дворецкий, разумеется, ничего не передал. Он знал, что кофе не горчит, а утро мистера Карлайла просто началось не с той ноги. Возможно, из-за вчерашнего телефонного разговора с министром транспорта, который Уилкс случайно услышал, проходя мимо кабинета. Фраза «срыв сроков» прозвучала трижды. Этого было достаточно, чтобы испортить настроение любому строительному магнату.

За окном, в саду, Бриггс протирал лобовое стекло «Ровера» замшевой тряпкой и ворчал себе под нос. Он ворчал всегда — это был его способ общения с миром. Даже когда он был доволен, он ворчал. Даже когда миссис Хэтэуэй угощала его своим фирменным лимонным кексом, он ворчал («слишком много сахара, Пат, ты меня в могилу загонишь»), хотя съедал три куса. Сейчас его волновал снег, который обещали синоптики. Снег в Лондоне Это катастрофа. Два сантиметра осадков и город встает в пробках, поездка опаздывают, а клиенты нервничают. А у Карлайлов сегодня был запланирован вечерний прием. Не большой. Человек на сорок, но важный: партнеры из Дубая, пара пэров, директор Национальной галереи и кто-то из «Ковент-Гардена» по линии миссис Карлайл. Бриггс должен был развезти приглашения еще вчера, но три из них вернулись с пометкой «адресат не найден» и теперь он переживал, не напутал ли чего с индексами.

В доме тем временем проснулась Тереза Карлайл. Она появилась на лестнице легкая, почти невесомая, как и подоба-

ет бывшей приме-балерине. В сорок девять лет она все еще двигалась так, словно пол под ее ногами был не наборным паркетом, а сценой «Ковент-Гардена». Хореограф — это не профессия. Это диагноз. Она видела мир в движении: ветер за окном был не просто погодой, а танцем листьев, официант, несущий поднос, — па-де-де с гравитацией, ее собственная дочь, спускающаяся по лестнице... Кстати, о дочери.

Тереза обернулась к Уилксу:

— Белль уже встала?

— Мисс Арабелла еще у себя, мадам. Горничная доложила, что она проснулась в семь и попросила чай. Сейчас, вероятно, читает.

— В семь утра? — Тереза удивленно приподняла бровь.

— Что читает?

— «Грозовой перевал», мадам. В третий раз.

Миссис Карлайл вздохнула. Ее дочь была умна, начитанна и красива: длинные каштановые волосы, лазурно-голубые глаза, точеная фигура, но с некоторых пор Терезу беспокоило в ней что-то такое, чему она не могла подобрать названия. Белла не была бунтаркой. Она не была замкнутой или депрессивной. Она была... отсутствующей.словно часть ее мыслей всегда находилась где-то еще, за пределами этого безупречного особняка, за пределами этого сада, этого города, этой жизни.

Тереза прошла в комнату для завтраков, где уже сидел Джеймс, уткнувшись в финансовый раздел «Таймс». Она

легко коснулась губами его виска и опустилась на стул напротив. Анна немедленно налила ей чай эрл грей без молока с двумя каплями лимонного сока и подвинула тарелку с тостом.

— Сегодня репетиция? — спросил Джеймс, не поднимая глаз.

— Да. Младшая группа в двенадцать, потом взрослые в три. И вечером прием. Ты не забыл?

— Я ничего не забываю. — он перевернул страницу.

— Конечно. — она улыbnулась уголком губ. — Именно поэтому ты в прошлый вторник забыл, что у нас ужин с епископом.

Джеймс поднял глаза от газеты и посмотрел на жену. Его взгляд смягчился.

— Я не забыл. Я решил, что епископ подождет. У меня были дела поважнее.

— Какие?

— Я смотрел, как ты спишь.

Тереза моргнула. Она не ожидала такого ответа. Это было так не в стиле Джеймса Сентиментальность он обычно оставлял за дверью спальни и даже там она была дозированной, как дорогой коньяк. Она не сразу нашла что сказать. А когда нашла, момент уже прошел. Джеймс снова уткнулся в газету, допил кофе и поднялся из-за стола.

— Я уехал. Уилкс, скажите Бриггсу подавать машину.

— Уже подана, сэр.

— Отлично. И передайте Лорану, что яйца сегодня были почти идеальны. Почти.

— Передам, сэр.

Наверху, в своей комнате, Арабелла Карлайл перевернула страницу и зевнула. За окном начинался снег. Первый в этом декабре. Она этого еще не видела. Она была в Йоркшире, на вересковых пустошах, вместе с Хитклифом и Кэтрин. Реальность подождет.

Стук в дверь был тихим, почти извиняющимся. Так стучала только Мария, младшая из сестер-горничных. Анна позволяла себе два четких, деловитых удара. У Марии же выходило что-то нерешительное, словно она до последнего сомневалась, имеет ли право беспокоить.

— Мисс Арабелла? — голосок просочился сквозь дверь тоненькой струйкой. — Миссис Карлайл просит вас спуститься к завтраку.

Арабелла нехотя оторвалась от книги. За окном и правда шел снег. Первые робкие хлопья кружились над садом, цепляясь за голые ветки деревьев и мгновенно тая на каменной чаше фонтана. Она сунула ноги в мягкие балетки, валявшиеся у кровати, накинула на плечи кардиган крупной вязки (единственную вещь в ее гардеробе, которая стоила меньше трехсот фунтов), которым она дорожила больше, чем всеми платьями от Вивьен Вествуд вместе взятыми и вышла в коридор.

Малая столовая встретила ее запахом тостов и легкого

разочарования. Джеймс Карлайл уже уехал, его стул сиротливо пустовал во главе стола, а на тарелке, прикрытой серебряной крышкой, лежал нетронутый грейпфрут. Тереза сидела у окна с чашкой чая и просматривала какие-то бумаги.

— Доброе утро, мам.

— Доброе, дорогая. — Тереза отложила листы и жестом указала на стул напротив. — Садись. Яйца скоро совсем остынут, а ты знаешь, как Лоран ненавидит то, что его работу недооценивают в этой семье.

Арабелла усмехнулась, усаживаясь и наливая себе чай.

— Я дочитывала главу. Хитклиф как раз собирался бежать. Не могла же я бросить его на середине.

— Ты читаешь эту книгу в третий раз. Могла бы и бросить.

— В четвертый, если быть точной. И нет, не могла. — она взяла с тарелки тост и принялась намазывать его абрикосовым джемом, сваренным лично месье Лораном прошлым летом. — О чем ты хотела поговорить?

Тереза чуть склонила голову, разглядывая дочь с тем особым, изучающим выражением, с которым она обычно смотрела на новых учениц в балетном классе, оценивая осанку, пластику, потенциал.

— Сегодня вечером прием. Ты помнишь?

— Трудно забыть. Бриггс третий день ворчит про какие-то индексы, а Уилкс ходит с таким лицом, будто ожидает визита королевы.

— Королева, увы, не придет. — Тереза сделала глоток чая. — Но будут Эшфорды. И лорд Блэквуд с племянником. И, кажется, сын виконта Девоншира, что учится в Кембридже на факультете международных отношений.

Арабелла перестала жевать. Ее лазурно-голубые глаза сузились, как у кошки, заметившей что-то подозрительное на горизонте. Она слишком хорошо знала этот небрежный, светский, с легкой поволокой тон. Тон, которым ее мать общалась о вещах, которые на самом деле были тщательно спланированы за несколько недель.

— И почему, — произнесла она медленно, — мне кажется, что ты сейчас скажешь что-то, что мне не понравится?

Тереза улыбнулась краешком губ. Улыбка была теплой, материнской.

— Я просто подумала, что тебе стоит расширить круг общения. Ты целыми днями сидишь с книжкой... Это прекрасно, но-..

— Но? — Арабелла отодвинула тарелку. Аппетит внезапно пропал.

— Но тебе семнадцать. Через год ты окончишь школу и перед тобой откроется много возможностей. Новые люди, новые знакомства. Сын виконта, говорят, очень хорош собой. И умен. Играет в поло.

Арабелла издала короткий смешок. Поло. Разумеется. Все они играют в поло. Или в регби. Или занимаются греблей в Оксфорде. У всех безупречные манеры, правильные галстуки и будущее, расписанное до пенсии: сначала Итон, потом Кембридж, потом место в семейном бизнесе или в Парламенте, потом выгодная женитьба и дом в Котсуолдсе.

— Мам, — она отодвинула чашку и сложила руки на столе, — ты ведь не пытаешься устроить мою личную жизнь?

— Боже упаси. — Тереза прижала ладонь к груди в жесте оскорбленной невинности. — Я просто хочу, чтобы ты не пряталась. Ты красивая, умная девушка. Ты умеешь поддерживать разговор на трех языках и цитируешь Шекспира. Почему бы тебе не показать это кому-то, кроме меня, прислуги и детей-сирот из младшей балетной группы?

— Мне нравятся дети из балетной группы. Они хотя бы не обсуждают процентные ставки и не хвастаются, чей папа купил более длинную яхту.

— Белль.

— Мам. — она посмотрела на Терезу долгим, спокойным взглядом. — Я спущусь. Я надену платье, которое ты выбрала, туфли, которые мне жмут и буду улыбаться всем этим как ты их назвала? Знатным мальчикам. Я даже поговорю с ними о погоде и об Ирландском вопросе, если потребуется. Но ты не можешь заставить меня влюбиться в кого-то из них. Это не балет. Здесь ты не хореограф.

Повисла пауза. Тереза молча смотрела на дочь. В ее глазах мелькнуло что-то, чего Арабелла не ожидала. Не раздражение. Даже не огорчение. Скорее странная, почти неуловимая тень узнавания. Словно она смотрела не на дочь, а на собственное отражение двадцатипятилетней давности. — Знаешь, — произнесла она наконец, — когда я познакомилась с твоим отцом, я тоже не хотела иметь с ним ничего общего. Он был строителем. Грубым, прямолинейным, совсем не из моего мира. Моя мать пригласила его на прием. Он тогда выиграл тендер на реконструкцию театра в Бирмингеме и я должна была быть с ним любезна. Просто любезна. Ничего больше.

— И что случилось? — спросила Арабелла, хотя она слышала эту историю десятки раз.

— Он рассмешил меня. — Тереза пожала плечами. — Все вокруг говорили о пустяках, а он посмотрел на люстру в фойе и сказал: «Если бы я строил этот театр, я бы повесил ее на полметра левее. Иначе балка не выдержит». И оказался

прав. Через три года люстра рухнула. К счастью, не во время спектакля.

Арабелла улыбнулась. Она любила эту историю. Но сейчас она слышала в ней другой подтекст.

— Ты хочешь сказать, что я могу встретить своего будущего мужа сегодня вечером?

— Я хочу сказать, — Тереза встала и легко коснулась плеча дочери, проходя мимо, — что жизнь удивительнее любого балета. И иногда партия, которая кажется тебе скучной, оборачивается чем-то совсем иным. А теперь доедай тост. У меня репетиция, так что я должна уехать. Буду только к вечеру.

Она вышла из столовой, оставив Арабеллу наедине с остывающим чаем и странным, тревожным чувством. Снег за окном усилился. Он валил до самого полудня, а потом внезапно перестал, будто кто-то там, наверху, захлопнул люк. Оставил после себя аккуратный белый слой в два пальца, припорошивший тисы и карнизы.

К двум часам дня дом гудел, как растревоженный улей перед роением. Миссис Хэтэуэй курсировала между этажами со скоростью гоночного болида, раздавая указания направо и налево. В парадной гостиной уже расставили дополнительные столики для канапе, проверили электрические подсвечники, а Уилкс лично проинспектировал каждую рюмку на предмет разводов от воды. Месье Лоран оккупировал верхнюю кухню и прилегающую к ней буфетную. Оттуда доноси-

лись звуки: что-то взбивали, что-то обжаривали во фритюре, что-то с пылом и страстью толкли в ступке. Один раз грохнуло так, что Анна, убиравшая в библиотеке, подпрыгнула на месте.

— Ничего страшного, — прокомментировала миссис Хэтэуэй, не отрываясь от списка гостей. — Лоран просто уронил противень с профитролями. Будет еще как минимум два раза.

Бриггс, который зашел в дом через черный ход, чтобы забрать термос с чаем, пробурчал:

— Лучше б он уронил свои улитки. Терпеть их не могу. Скользкая гадость.

— На сегодня улиток не будет, — сухо ответила экономка. — У нас не французский ресторан, а приличный английский дом.

— Вот и славно. — Бриггс водрузил на нос запотевшие очки и удалился обратно в гараж, где ему предстояло до блеска надраить автомобиль на случай, если кого-то из гостей придется встречать у ворот или отвозить домой.

Арабелла тем временем сидела у себя в комнате и рассматривала платье, которое для нее приготовила горничная. Платье висело на дверце гардероба, как гость, которого не звали, но который все равно пришел. Темно-синее, из тяжелого шелка, с открытыми плечами и юбкой. Красивое. Бесспорно.

Она уже приняла ванну, высушила волосы и теперь си-

дела перед зеркалом в шелковом халате, лениво перебирая украшения в шкатулке. Жемчуг? Слишком по-бабушкински. Бриллианты? К такому платью? Перебор. В итоге она остановилась на простых серебряных серьгах, которые подарил отец на шестнадцатилетие, которые ничего особенного из себя не представляли, но хотя бы не оттягивали мочки ушей.

Снизу донесся знакомый звук открывающейся входной двери и приглушенный голос Уилкса:

— Добрый вечер, сэ. Миссис Карлайл еще не вернулась.

Прикажете подать аперитив?

— Позже, Уилкс. Сначала душ.

Джеймс. Вернулся раньше обычного, значит, совещание с подрядчиками прошло либо очень хорошо, либо очень плохо. По звуку его шагов Арабелла определила, что, скорее, первое. Она вздохнула, встала и принялась натягивать платье. Молния на спине заела ровно посередине. В том самом месте, до которого невозможно дотянуться самой, как ни выворачивай руки. Пришлось вызывать Марию.

Горничная явилась через минуту, раскрасневшаяся от беготни, но довольная: ей нравилась предпраздничная суэта.

— Ой, мисс, какое красивое! — выдохнула она, ловко справляясь с молнией. — Вам очень идет. Прямо как

— Как манекен в каком-нибудь бутике? — подсказала Арабелла с кривой усмешкой.

Мария смутилась.

— Я хотела сказать как принцесса.

— Это одно и то же, Мария. Принцессы — это просто куклы, которым разрешают выходить из витрины по особым случаям.

Мария не нашлась что ответить и тихо выскользнула за дверь. Арабелла еще раз оглядела себя в зеркале. Принцесса. Ну-ну.

В половине пятого к дому подъехал черный «Бентли». Тереза вышла из машины и даже выдавший виды Бриггс, открывший ей дверцу, на секунду замер, забыв про свое обычное ворчание. Выглядела она действительно ослепительно. Серебристо-серое платье, струящееся, с глубоким декольте и длинным рукавом, расшитым мельчайшим бисером, который переливался при каждом движении, словно чешуя рыбы, сидело на ней так, будто было создано не портным, а каким-то высшим существом. Волосы, уложенные в сложную, но небрежную на вид прическу, открывали шею и подчеркивали скулы. От нее пахло чем-то цветочным и одновременно терпким. Новые духи, которые она привезла из салона.

— Бриггс, — произнесла она, заметив его ошарашенное лицо, — закройте рот.

— Виноват, мадам, — пробормотал он, приходя в себя. — Просто вы Снег на улице, а вы как весна.

— Бриггс, вы становитесь поэтом. Это все чай миссис Хэтэуэй?

Она прошелестела в дом, оставляя за собой шлейф аро-

мата и ощущение того, что воздух в холле стал чуть более разреженным. Уилкс, стоявший у дверей с обычным своим невозмутимым видом, чуть заметно приподнял бровь.

— Добрый вечер, мадам. Мистер Карлайл уже наверху, переодевается. Мисс Арабелла также готова.

— Чудесно. Уилкс, скажите Лорану, что канапе с копченым лососем должны быть поданы не раньше семи. Если он выставит их сейчас, они заветрятся, и гости будут жевать резину.

— Я уже передал ему, мадам. Он ответил, что скорее отрубит себе руку, чем позволит лососю заветриться.

— О боже. — Тереза улыбнулась. — Надеюсь, до членовредительства не дойдет. У нас сегодня важный вечер.

Она поднялась наверх, чтобы поправить макияж перед зеркалом в спальне и столкнулась на лестнице с мужем. Джеймс как раз выходил из гардеробной, застегивая запонки с гербом Карлайлов, которые он надевал только на мероприятия с участием титулованных особ. В смокинге он выглядел внушительно и чуточку опасно. Как медведь, которого зачем-то обрядили во фрак и выпустили на сцену.

Он остановился на полпути и посмотрел на жену. Долго. Молча. Потом присвистнул. Совсем не по-светски, а так, как свистел когда-то молодой прораб на стройке, увидев что-то, что ему очень понравилось.

— Тереза, — произнес он наконец, — если этот прием затянется дольше чем на два часа, я лично выгоню всех гостей

к чертовой матери.

— И по какой же причине?

— По причине того, что я хочу, чтобы моя жена принадлежала только мне, а не чужим людям, которые будут пялиться на нее весь вечер.

Тереза рассмеялась.

— Джеймс. Пора бы уже научиться делиться.

— Никогда. — он шагнул к ней, взял за руку и поцеловал запястье. — Ладно, идем. Где наша дочь? Я хочу, чтобы она тоже это увидела.

— Что «это»?

— Как ее мать выглядит так, будто ей снова двадцать пять.

— Джеймс Карлайл, ты безнадежен.

— Знаю, — ответил он, и в его голосе не было ни капли сожаления.

Арабелла спустилась в гостиную ровно в тот момент, когда родители вышли из спальни. Она замерла на последней ступеньке лестницы, увидев мать, и невольно улыбнулась.

— Вау, мам. Это платье... Оно просто создано для скандала. Папа, ты уже видел?

— Видел, — мрачно ответил Джеймс. — И уже придумываю, как отвадить от нее всех этих лордов и виконтов. Может, сказать им, что у нее заразная болезнь?

— Отлично, — кивнула Арабелла. — Тогда я тоже скажу, что у меня заразная болезнь. И мы обе останемся наверху, а ты пойдешь развлекать гостей в одиночку.

— Вот только не надо меня шантажировать, юная леди. — Джеймс погрозил ей пальцем, но глаза его смеялись. — Твоя мать права. Тебе пора выходить в свет. Ты слишком красива, чтобы прятаться.

Арабелла вздохнула. Третий раз за день ей говорят, что она красива и должна себя «показать». Если бы за каждое

такое замечание платили фунт, она бы уже могла позволить себе собственную квартиру где-нибудь в Сохо и забыть про все эти приемы.

— Ладно, — сказала она, беря под руку отца. — Но у меня есть условие. Если сын виконта окажется занудой, а лорд Блэквуд начнет обсуждать охоту, я имею полное право сбегать через полчаса.

— Договорились, — кивнул Джеймс.

— Даже не надейся, — одновременно с ним произнесла Тереза.

Родители переглянулись. Джеймс пожал плечами:

— Прости, Белль. Кажется, у нас конфликт интересов. Предлагаю компромисс: час. Час ты терпишь, а потом я сам придумаю, как тебя вытащить.

— Два часа, — вмешалась Тереза. — Иначе какой смысл вообще затевать этот прием?

— Полтора, — твердо сказала Арабелла. — И не минутой больше.

— Полтора, — согласилась Тереза после паузы. — Но ты должна потанцевать хотя бы с двумя кавалерами. Тремя, если один из них окажется тем самым принцем на белом коне.

— Мам, принцев в Лондоне осталось не так много. Разве что Чарльз Но он, кажется, занят.

Джеймс хохотнул и напряжение, которое незримо висело в воздухе с самого утра, наконец рассеялось. Они спустились в гостиную втроем. Эффектное трио: крупный, уверенный

мужчина, женщина в сверкающем платье и тоненькая девушка.

Часы в холле пробили шесть. До прибытия первых гостей оставался час. За окнами медленно сгущались декабрьские сумерки и сад, укрытый снегом, казался декорацией к какой-то зимней сказке... Наверное, к «Щелкунчику». В доме пахло хвоей от еловых веток в вазах, которые распорядился поставить дворецкий и горячим воском от настоящих декоративных свечей. .

Арабелла отошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Снег снова начинался — мелкий, почти невидимый, как сахарная пудра.

— Белль! — голос матери вырвал ее из задумчивости. — Иди сюда, я хочу поправить тебе прическу. И проверь, не жмут ли туфли. Ты же знаешь, если ты будешь хромать, лорд Блэквуд решит, что у тебя подагра.

— Лорду Блэквуду восемьдесят два, мам. Он сам еле ходит.

— Вот именно. Он единственный, кто заметит. Но заметит обязательно.

Арабелла закатила глаза, но послушно отошла от окна.

Первые гости прибыли ровно в семь. Лондонский высший свет был пунктуален, как королевский гвардеец на посту: опоздать на прием к Карлайлам считалось дурным тоном, прийти раньше — провинциальной невоспитанностью. Уилкс, который успел переодеться в идеально выглаженный

парадный фрак, встречал каждого у дверей полуулыбкой.

Гостиная наполнялась постепенно, как бокал шампанского. Сначала пена светских приветствий, потом золотистая жидкость непринужденных разговоров. Дамы в платьях от Маккуина и Эрдем, джентльмены в смокингах, сшитых на Сэвил-Роу Все они двигались с чуть замедленной грацией людей, которые никогда никуда не спешат, потому что мир и так вращается вокруг них. Воздух в гостиной стал плотным от смеси духов. Шанель 5 спорил с чем-то восточным и пряным, а сверху наслаивался аромат еды на фуршетном столе.

Лорд Блэквуд, восьмидесятидвухлетний патриарх с тростью черного дерева и лицом, напоминавшим старую кожаную перчатку, оккупировал кресло у камина и немедленно начал рассказывать кому-то из младших Эшфордов о своем последнем сафари в Кении. Его голос, скрипучий, как несмазанная дверь, разносился по всей гостиной, перекрывая даже звон бокалов.

— ...и тогда этот лев, представьте себе, выходит прямо на меня, а у меня в руках только винтовка и чертовски неудобные бинокль...

— О боже, — прошептала леди Эшфорд-старшая своей соседке, даме с рубиновым колье, которая, судя по отсутствующему выражению лица, уже мысленно была где-то в другом месте, — он опять про льва. В прошлый раз лев был тигром. И дело было в Индии.

— Старость, дорогая, — так же тихо ответила дама с ру-

бинами, делая глоток шампанского. — Говорят, в следующем месяце он вообще перепутает сафари с охотой на лис в Лестершире. Будет уверять, что стрелял в жирафа.

Арабелла стояла у колонны, сжимая в руке бокал с шампанским, к которому она едва притронулась. Ей было душно. Не физически, а как-то иначе. Словно сам воздух этого вечера был слишком густым, слишком насыщенным чужими амбициями, чужим тщеславием, чужими разговорами о людях, которых нет в комнате. Она поймала обрывки фраз:

— ...вы слышали, Хэмптон-Смиты взяли на стажировку какого-то американского мальчишку? Говорят, сын их делового партнера. Совершенно невоспитанный тип...

— ...а я слышала, что он отказался. Представляете? Отказался от стажировки у Хэмптон-Смитов! Говорят, там был жуткий скандал. Кто-то кого-то послал. Прямо за обедом. Дикость какая...

Арабелла наострила уши, но продолжения не услышала. Разговор перетек в другое русло. Уже обсуждали какую-то сделку с недвижимостью в Дубае.

Она перевела взгляд на другой конец гостиной. Там, у окна, стоял высокий, статный парень с черными как смоль волосами. Он не говорил. Он слушал. Вернее, делал вид, что слушает, пока какой-то пожилой джентльмен с бакенбардами что-то втолковывал ему, энергично жестикулируя. Но даже с другого конца зала Арабелла видела, что его глаза: темные, глубокие, с пляшущими в них озорными искрами смот-

рят куда-то сквозь собеседника. Словно он был здесь и не здесь одновременно. Словно весь этот прием был для него чем-то вроде скучного спектакля, который он смотрел из вежливости, но не собирался аплодировать.

Она поняла, что пялится. И он это понял.

Их глаза встретились. Он ухмыльнулся. Так, словно они с ней были единственными людьми в этой комнате, кто понимал, насколько все происходящее абсурдно. И эта ухмылка была настолько откровенной, настолько лишенной светской притворности, что Арабелла на секунду забыла, где находится.

— Мам, — прошептала она, отыскав Терезу в толпе. Та как раз обменивалась любезностями с женой какого-то пэра. — Кто это? У окна. Черные волосы.

Тереза бросила быстрый взгляд в указанном направлении, и ее лицо на мгновение утратило светскую безмятежность.

— Ах, этот. — Она чуть поморщилась, словно речь шла о неудачном соусе, который подали к рыбе. — Это Люциан. Люциан Вейн. Прибыл с Миллерами, но, насколько я знаю, не является их прямым родственником. Говорят, его отчислили из двух университетов в Америке. Не то за драку, не то за что-то похуже. Репутация у него, скажем так, не салонная. Держись от него подальше, Белла.

— Почему? — Этот вопрос вырвался у Арабеллы раньше, чем она успела подумать.

Тереза посмотрела на дочь долгим, испытующим взгля-

дом.

— Потому что такие мальчики, как он Это катастрофа. Ураган. Они появляются из ниоткуда, переворачивают все вверх дном и исчезают, оставляя после себя одни руины. Я таких повидала. Держись подальше, — повторила она и вернулась к разговору с незнакомой Арабелле женщиной.

Белль не двинулась с места.

Люциан Вейн. Даже имя звучало как вызов. Как строчка из какого-то романа, который матери запрещают читать дочерям. Она снова посмотрела на него. Он все еще стоял у окна, но теперь один. Пожилой джентльмен с бакенбардами куда-то исчез. Люциан вертел в пальцах бокал и свет от люстры преломлялся в гранях хрусталя, отбрасывая крошечные радуги на его смуглую кожу. Он был высок и держался с ослабленной, почти ленивой уверенностью человека, которому плевать на правила, потому что он не собирается здесь задерживаться.

Арабелла сама не заметила, как оказалась рядом. Ноги сами понесли ее через зал, лавируя между гостями, словно она была не дочерью хозяйки дома, а мотыльком, летящим на огонь.

— Вы не танцуете? — спросила она, останавливаясь в двух шагах от него.

Люциан медленно повернул голову. Его глаза оглядели ее с ног до головы. Не оценивающе. Скорее... с любопытством.

— А вы всегда начинаете разговор с незнакомцами столь

прямолинейно? — его голос был низким, с хрипотцой, и в нем слышался легкий американский акцент, который он, кажется, и не пытался скрывать.

— Только с теми, кто выглядит так, будто предпочел бы оказаться где угодно, но не здесь.

Он хмыкнул.

— Что ж. Справедливо. — он отпил из бокала. — Нет, я не танцую. Танцы Это ритуал. А ритуалы Это попытка придать смысл бессмысленному. Зачем кружиться по паркету, если можно просто стоять и наслаждаться шампанским?

— Шампанское здесь не самое лучшее, — заметила Арабелла. — Отец заказал «Вдову Клико», хотя я советовала «Болланже».

Люциан приподнял бровь. На этот раз в его взгляде мелькнуло нечто похожее на интерес.

— Вы разбираетесь в шампанском?

— Я разбираюсь в том, что мне нравится.

Он улыбнулся. На этот раз по-настоящему, не ухмылкой, а улыбкой, которая на секунду сделала его лицо почти мальчишеским. Но через мгновение улыбка исчезла и перед ней снова стоял циничный, дерзкий парень, о котором предупреждала мать.

— Значит, вы Арабелла Карлайл, — произнес он. — Дочь хозяев? Та самая девочка, которую сегодня пытаются выдать замуж за сына виконта.

— Я не знаю, кто вам это сказал, но...

— Я умею слушать. — Он постучал пальцем по своему уху. — Полезный навык. Особенно когда вокруг столько людей, которые говорят слишком громко и думают, что их никто не слышит. Кстати, он стоит вон там, у камина. Нервничает. Видимо, наслышан о вашей красоте.

Арабелла почувствовала, как краска приливает к щекам.

— А вы, значит, Люциан Вейн. Кого отчислили из двух университетов и с позором выгнали из Америки?

— О, так вы обо мне слышали. — он ничуть не смутился. Даже не сделал вид. — Польщен. Да, из двух. Первый был скучным. Второй еще скучнее. Я решил, что образование это не для меня. По крайней мере, в том виде, в каком его подают.

— И чем же вы занимаетесь? — Арабелла скрестила руки на груди, стараясь говорить холодно, но выходило плохо.

— В данный момент пытаюсь понять, почему самая интересная девушка на этом приеме тратит время на разговор со мной, хотя ее мать наверняка уже десять раз велела держаться от меня подальше.

Он смотрел на нее в упор. Слишком прямо. Слишком дерзко. Арабелла открыла рот, чтобы ответить что-то остроумное, но слова застряли в горле. Она не привыкла к такому. Она привыкла к вежливым комплиментам, к завуалированным намекам, к светским играм, где каждое слово завернуто в три слоя целлофана. А этот парень говорил так, словно никаких правил не существовало вовсе.

— Может быть, мне просто скучно, — сказала она наконец.

— Скучно, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Знаете, что я думаю о скуке? Это роскошь. Скучать могут только те, у кого нет настоящих проблем. Вот вы Что у вас за проблемы? Платье не сидит? Туфли жмут? Кавалер не звонит?

— Вы ничего обо мне не знаете, — резко ответила Арабелла. Голос ее дрогнул.

— О, я знаю достаточно. — он шагнул ближе. Теперь между ними было не больше полуметра. Она чувствовала запах его одеколона. — Я знаю, что вы, как и я, терпеть не можете все это. Притворство. Фальшь. Улыбки, за которыми ничего нет. Вы стоите у колонны с таким лицом, будто вас заставили проглотить лимон И вы правы. Это не жизнь. Это витрина. А вы в ней главный экспонат.

— Прекратите, — прошептала она.

— Почему? — он наклонился ближе, и его губы почти касались ее уха. — Потому что правда жжется? Привыкайте. Ваш уютный мирок Это картонный домик. Одно дуновение ветра и он развалится. А ветер уже в пути.

Арабелла отшатнулась, словно от пощечины. Ее глаза горели. Никто. Никто! Никогда не разговаривал с ней так. Словно она была не дочерью Карлайлов, а случайной прохожей. Словно ее статус, ее имя, ее положение ничего не значили.

— Вы... — начала она, но голос сорвался.

— Что? — он нагло, вызывающе улыбался, словно вся эта сцена доставляла ему искреннее удовольствие. — Скажите это. Ну же. Вы же хотите. Я вижу Вы красная, как помидор. Или вы боитесь, что мамочка увидит как вы потекли от такого плохого парня?

И тут что-то внутри Арабеллы лопнуло. Она не думала. Она действовала. Ее правая рука метнулась вниз, пальцы рванули ремешок туфли и в следующую секунду туфля уже летела по воздуху. Прямо. Точно. В цель. Звук удара вышел глухим и каким-то неприлично громким в наступившей вдруг тишине. Каблук врезался Люциану точно в лоб, чуть выше левой брови. Он покачнулся, но устоял. На его лице, только что сиявшем самодовольной ухмылкой, застыло выражение абсолютного, незамутненного изумления.

Он рассмеялся.

Громко, искренне, запрокинув голову. Смех прокатился по гостиной, как раскат грома, заставив всех замереть на полуслове.

Люциан перестал смеяться. Он поднял руку и потрогал ушибленный лоб. На пальцах осталась капелька крови. Со всем крошечная, но достаточно заметная в свете люстры. Тереза мгновенно подбежала к дочери, обхватывая ее плечи ладонями.

— Ну что ж, мисс Карлайл, — произнес он, и его губы снова изогнулись в ухмылке. — Похоже, я был прав.

— В чем?

Люциан развернулся и медленно, не торопясь, направился к выходу, оставив вопрос Арабеллы без ответа. Гости раступались перед ним, как вода перед носом корабля. Он шел, не глядя ни на кого и только у самых дверей обернулся.

Их взгляды встретились. Доля секунды. Но этого хватило. Дверь закрылась. В гостиной повисла звенящая, осязаемая, как натянутая до предела струна, тишина. А потом кто-то ахнул. Кажется, леди Эшфорд. Шепотки поползли по залу, как змеи по траве. Они шипели, переплетались, множились:

— Вы видели?..

— Прямо в лоб!..

— Боже мой, она же могла его убить!..

Пока Тереза все еще с румяными щеками переваривала произошедшее, Джеймс Карлайл медленной поступью подошел к валявшейся на полу туфле и поднял ее. Он смотрел на дочь с таким осуждением и яростью, что Белль опустила глаза в пол. Его лицо, покрасневшее от злости, цветом напоминало лежащего на серебряном блюде, среди остальных закусок, омара с сырной начинкой. Он ничего не сказал, лишь кивнул дворецкому. Тот подлетел к Арабелле, подхватив ее под локоть и немедленно вывел из бальной залы, скрывая от глаз любопытных гостей и наверняка уж чересчур острых языков, прерывая все зарождающиеся сплетни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.